РОССИЙСКИЙ
АДВОКАТ
6 | 2007

Алексей ДАРКОВ: «Наша историческая память – неисчерпаемый источник духовности»

Стр. 28–30

Очевидное нетипичное
Стр. 12–13

Трагедия в Счастливом
Стр. 16–17

7 лет к справедливости
Стр. 26–27

ОБЩЕНИЕ ПРОДУКТИВНОЕ, ИТОГИ КОНСТРУКТИВНЫЕ

В городе Белек (Турция) состоялась выездная конференция «Проблемы взаимоотношений Федеральной палаты адвокатов и региональных адвокатских палат в свете новых требований, предъявляемых к адвокатуре», организованная Федеральной палатой адвокатов РФ.

В ней приняли участие члены Совета ФПА РФ, президенты адвокатских палат, руководители адвокатских образований, представитель Администрации Президента РФ М.С. Палеев. Коллеги собрались для того, чтобы скоординировать позиции по вопросам, касающимся оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве по назначению, единства требований, предъявляемых к работе квалификационных комиссий, профессиональной подготовки и переподготовки адвокатов, стажеров адвокатов и помощников адвокатов.

Перед коллегами выступили президент ФПА РФ Евгений Семеняко, вице-президенты ФПА РФ Юрий Пилипенко, Владимир Калитвин, Генри Резник, Алексей Галоганов, главный советник Главного государственно-правового управления Президента РФ Михаил Палеев, Светлана Володина.

В дискуссии приняли участие президенты адвокатских палат регионов.

Александр КРОХМАЛЮК
Фото автора

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Е.В. СЕМЕНЯКО, председатель редакционного совета, президент Федеральной палаты адвокатов РФ
Г.Б. МИРЗОЕВ, первый заместитель председателя редакционного совета, президент Гильдии российских адвокатов
А.П. ГАЛОГАНОВ, заместитель председателя редакционного совета, президент Федерального союза адвокатов России
В.Ф. АНИСИМОВ, представитель Совета–вице-президент ФПА в Уральском федеральном округе
О.Т. АНКУДИНОВ, начальник управления Генеральной прокуратуры РФ
Д.П. БАРАНОВ, президент Адвокатской палаты Ростовской области
Т.Д. БУТОВЧЕНКО, президент Адвокатской палаты Самарской области
В.В. ВИТРЯНСКИЙ, заместитель председателя Высшего арбитражного суда РФ
Г.А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ, президент Международного союза адвокатов
А.Н. ДЕНИСОВА, президент Адвокатской палаты Ленинградской области
Л.М. ДМИТРИЕВСКАЯ, президент Адвокатской палаты Республики Татарстан
В.С. ИГОНИН, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов
В.В. КАЛИТВИН, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
Н.Н. КЛЁН, председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов
Ю.А. КОСТАНОВ, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов
П.В. КРАШЕНИННИКОВ, председатель Комитета Государственной думы РФ по законодательству
М.В. КРОТОВ, полномочный представитель Президента России в Конституционном суде РФ
О.Е. КУТАФИН, ректор Московской государственной юридической академии
В.Г. КУШНАРЕВ, президент Адвокатской палаты Хабаровского края
Ю.С. ПИЛИПЕНКО, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
В.Н. ПЛИГИН, председатель Комитета Государственной думы РФ по конституционному законодательству и госстроительству
В.И. РАДЧЕНКО, первый заместитель председателя Верховного суда РФ
Г. М. РЕЗНИК, президент Адвокатской палаты г. Москвы
Н.Д. РОГАЧЕВ, президент Адвокатской палаты Нижегородской области
В.Г. СТРЕКОЗОВ, заместитель председателя Конституционного суда РФ
Ю.Я. ЧАЙКА, Генеральный прокурор РФ
В.П. ЧЕХОВ, президент Адвокатской палаты Краснодарского края
Г.К. ШАРОВ, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ
С.В. ЯСТРЖЕМБСКИЙ, помощник Президента РФ

Главный редактор **Р.А. ЗВЯГЕЛЬСКИЙ**

В НОМЕРЕ:

Наша обложка:
член Адвокатской палаты
г. Москвы Алексей Дарков

На это нужно положить жизнь — 4
Т. Хренников

Преемственность идей и дел — 10
В. Борисов

Очевидное нетипичное — 12
В. Кушнарев

Десять лет спустя — 14
Г. Мирзоев

Трагедия в Счастливом — 16
Р. Теунаев

Частное определение...по оговору — 20
Г. Гиголаев

Житейский спор – ее стихия — 24
Е.Баскакова

7 лет к справедливости — 26
О. Полетило

И дым Отечества... — 28
В. Рязанцев

Журнал основан в апреле 1995 г.
Гильдией российских адвокатов.

Выходит один раз в два месяца.

Зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 013485.

Адрес редакции:
105120, Москва,
М. Полуярославский пер., 3/5
Тел.: (495) 917-7546
Факс: (495) 917-0136
Наш адрес в Internet:
http://gra.litsa.ru/
E-mail: rosadv@bk.ru

Типография «Финкрек»
Тел./факс: (495) 510-3444, 424-6464
www.finkrek.ru

При перепечатке ссылка на журнал «Российский адвокат» обязательна.

Тираж 10 000 экз.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ И ДЕЛ

Очередное заседание Совета Федеральной палаты проходило в новом, буквально пронизанном светом, уютном конференц-зале. Но и это событие, подчеркнул во вступительном слове президент палаты Евгений Семеняко, не повод нарушать добрую традицию чествования именинников в таком расширенном составе. На сей раз члены Совета и гости тепло поздравили с 70-летием вице-президента ФПА, президента Адвокатской палаты Воронежской области Владимира Калитвина. От имени всех коллег ему вручено уникальное, роскошнейшее издание книги «Народная Русь».

(Продолжение читайте на стр. 10)

ЗА ЗАСЛУГИ

Наши коллеги из журнала «Воронежский адвокат» отметили маленький юбилей – вышел в свет пятидесятый номер их издания.

За четыре года со дня рождения журнала основными направлениями работы редакционного совета и творческого коллектива стали объединение адвокатов Воронежской области, обмен профессиональным опытом, правовое просвещение жителей региона.

А недавно по решению Совета Федеральной палаты адвокатов РФ журнал «Воронежский адвокат» был награжден медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени . Поздравляем!

ЮБИЛЕЙ БАШКИРСКОЙ АДВОКАТУРЫ

В Адвокатской палате Республики Башкортостан состоялись торжественные мероприятия, посвященные празднованию 85-летия башкирской адвокатуры.

(Фоторепортаж смотрите на стр. 18–19)

На снимках:

Награда президенту – золотой конь

Общереспубликанское собрание адвокатов

Фото Вячеслава ХУДЯКОВА

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Напоминаем, что подписаться на журнал «Российский адвокат» вы можете в любом отделении связи по каталогу агентства «Роспечать».

Подписной индекс для индивидуальных подписчиков – **72745**, для предприятий и организаций – **72746**.

СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ

В Адвокатской палате Нижегородской области состоялся «круглый стол» по теме «Актуальные вопросы расселения ветхого фонда при застройке территорий».

Обсудить наболевшие вопросы собрались нижегородские адвокаты и судья областного суда Марина Кавелькина. Актуальность темы обусловлена высокими темпами роста строительства, развернувшегося в Нижнем Новгороде, а также значительным числом спорных вопросов, не урегулированных в законодательстве и судебной практике. Всё потому, что после утраты силы старого ЖК РСФСР оказались нерабочими и многие другие местные нормативные акты. Отсюда и сложности. Например, возникают проблемы при расселении жильцов из ветхих домов и их уведомлении об этом, с процедурой возмещения затрат застройщику, при определении границ расселения…

Коллеги делились друг с другом опытом, советовались, задавали и отвечали на вопросы. И надо сказать, встреча оказалась полезной для всех участников.

(Материал подготовлен при содействии журнала «Нижегородский адвокат»)

ПРАВИЛО ДЛЯ ВСЕХ ОДНО…

В конце прошлого года в Адвокатской палате Кировской области состоялась очередная отчетно-выборная конференция, на которой собравшиеся обсудили в том числе и проблему приобретения помещения для палаты.

Для выкупа нового здания было решено собрать с каждого адвоката по шесть тысяч рублей. Четверо адвокатов выразили недовольство, и, не желая исполнять решения конференции, обратились в суд. Они потребовали признать сбор денег неправомерным, в то время как в Уставе обозначено: адвокаты обязаны осуществлять отчисления, сумму которых определяет конференция.

После длительных разбирательств суд кассационной инстанции оставил решение конференции в силе. По решению же Совета Адвокатской палаты Кировской области за неисполнение решения конференции одного из четырех адвокатов-зачинщиков лишили статуса.

НА ЗЕМЛЕ ВАСКО ДА ГАМЫ

Тема очередной международной конференции, организованной Гильдией российских адвокатов, Российской академией адвокатуры, Федеральным союзом адвокатов в Португалии – «Участие адвоката в уголовном судопроизводстве в свете изменений в УПК РФ». Наболевшие проблемы собрались обсудить адвокаты из большинства российских регионов. Встречу открыл вице-президент ФПА РФ, президент Федерального союза адвокатов Алексей Галоганов. Выступавшие затронули такие волнующие всех вопросы, как оплата труда адвокатов, оказывающих юридическую помощь по назначению, применение судами меры пресечения – заключения под стражу. В очередной раз коснулись тонких нюансов взаимодействия адвокатуры с властными структурами, в том числе связанных с адвокатской тайной. В ходе конференции состоялась запланированная встреча с португальскими коллегами, которая, по мнению обеих сторон, оказалась необычайно полезной и интересной.

Тихон ХРЕННИКОВ: «На это нужно положить жизнь»

Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р.А. Звягельского с композитором Т. Н. Хренниковым

В свои девяносто четыре Тихон Николаевич сохранил ясность ума и точность событий. До мельчайших подробностей представляет весь калейдоскоп прожитой жизни. В частности, что происходило почти 60 лет назад, когда он, в свои неполные 35 лет, был назначен самим Сталиным генеральным секретарем Союза композиторов СССР, и возглавлял его более 40 лет.

К сожалению, это стало его последним интервью при жизни.

– Как правило, люди успешные, а вы к таковым относитесь, ибо оставили заметный след в музыкальной культуре, имеют и завистников, и недоброжелателей. Дело прошлое, можете рассказать, как вы с ними боролись?

– Знаете, я настолько люблю людей и музыку своих коллег, что если и были завистники, мне просто некогда было на них обращать внимание. Все время занимался делом. А дел, поверьте, было очень много: сочинял музыку, концертировал как пианист, был общественным деятелем, в течение 50 лет являлся депутатом Верховного Совета РСФСР и СССР. Получал от своих избирателей огромное количество писем. И, скажу без лишней скромности, много чего сделал, выполняя их просьбы.

А что касается моего руководства Союзом композиторов, замечу, я был довольно часто исполняемым автором и, естественно, получал высокие гонорары. Это давало мне возможность отказываться от зарплаты первого секретаря.

Когда в 1991-м началась перестройка и ломка в нашей стране, я вышел из своего кабинета, закрыл дверь и понял, что на этом закончился Союз композиторов СССР.

– Что же сегодня объединяет наших композиторов?

– От прежней всесоюзной структуры остались Союзы композиторов России и Москвы. Наша организация была очень богатой, и музыканты обеспечивались всем необходимым. В домах творчества композиторы подолгу жили с семьями и платили символическую плату. К сожалению, сегодня творческие союзы влачат жалкое существование, потому что просто нет денег.

Как только рухнул Советский Союз, тут же появились люди, которые стали писать в газетах, что

Хренников – «сталинский комиссар», узурпировал всю власть в музыкальном мире. Но, простите, первым секретарем Союза композиторов 43 года подряд меня избирали тайным голосованием. И, если откровенно, я не держался за этот пост, потому что у меня была слишком активная музыкально-творческая жизнь. Я был востребован как композитор: писал музыку к фильмам, операм, балетам… Все они шли на разных сценах нашей страны. Так что быть «руководящим товарищем», чтобы сделать карьеру, нужды не было.

– И все же вспомните, пожалуйста, как состоялось ваше назначение?

– Это было в 1948 году. Часов в 11 вечера мне домой позвонили из ЦК и попросили немедленно приехать на Старую площадь, к заместителю начальника Агитпропа Шепилову. Работать по ночам в то время считалось нормой. Моя жена Клара ужасно забеспокоилась, но деваться было некуда.

Приехал. Жду в приемной. Из кабинета Шепилова выходит расстроенный мой друг Арам Хачатурян и говорит:

– Я тебя поздравляю.

– С чем?

– Сейчас узнаешь.

Попрощался со всеми и уехал. Через некоторое время пригласили меня. Шепилов протягивает бумагу и говорит:

– Вот, прочтите.

Читаю распоряжение, подписанное Сталиным, и чувствую, как поднимается давление, учащенно стучит пульс. Оказывается, Хачатуряна отстраняют, а меня назначают генеральным секретарем Союза композиторов СССР. К тому же еще и председателем музыкальной секции Комитета по награждению Сталинскими премиями.

Я попытался возразить, мол, не готов к общественной руководящей работе, не имею опыта, не справлюсь, но Шепилов со свойственным ему обаянием сказал:

– Ничего, поможем.

За год до этого события я стал кандидатом в члены ВКП(б), и Шепилов, зная об этом, добавил:

– Это большая честь, оказанная вам товарищем Сталиным. Расценивайте это как партийное поручение.

Приезжаю домой, рассказываю обо всем Кларе. Она в ужасе:

– Ты что, с ума сошел? Нужно было отказаться!

– Что я мог? Подписано Сталиным.

Всю ночь мы с женой не спали от переживаний, но изменить что-либо было невозможно.

– 50-е годы ознаменовались борьбой с формализмом. «В преклонении перед Западом» тогда упрекали многих известных композиторов: Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна, Мурадели, Кабалевского, Мясковского…

– Эта кампания больше походила на идеологическую акцию, чем на творческую дискуссию. Время было далеко не простое. Подобные обвинения

инкриминировали и литераторам. Шли аресты. Возглавлявший Союз писателей Александр Фадеев был жестким человеком и наделал много такого, что не вызывает к нему симпатии. Может, потому и закончил свою жизнь трагически – застрелился.

Наша организация была едва ли не единственной, кого не коснулись аресты, и мы, в буквальном смысле слова, вышли тогда без потерь. Ни один композитор не был расстрелян. Чего мне это стоило – ведомо только одному Господу Богу. На меня писались анонимки. Ежедневно по почте я получал карикатуры: «Тихон Хренников – на электрическом стуле», «Тихон Хренников – на виселице», «Тихон Хренников получает пропуск на кладбище»… Я знал, многие в Союзе композиторов недовольны тем, как я провожу кампанию по борьбе с космополитами.

Как-то меня вызвал в ЦК Суслов и дал прочитать письмо, написанное одним из наших музыковедов, тот доносил, что я нахожусь под влиянием сионистов, даже изобразил схему воздействия на меня евреев – через мою жену и других лиц.

Я был потрясен. Действительно, как мог, спускал в союзе на тормозах всю эту неприглядную историю с космополитизмом. Но что из-за нее попа-

Встреча с прошлым

ду в самую гущу наветов и политической грязи, не мог предположить. Я не сдал органам ни одного человека, хотя на меня крепко давили. В итоге – истощение нервной системы. Болел целый год. Не мог спать, не было сил двигаться. Только благодаря любимой жене Кларе постепенно вернулся к жизни.

– Если не возражаете, Тихон Николаевич, давайте возвратимся к тому моменту, когда Союз композиторов СССР прекратил свое существование и вы стали «свободным художником». Среди музыкантов тут же прошел слух, стоило вам покинуть большой пост, как Владимир Васильев, в то время художественный руководитель Большого театра, сразу снял из репертуара ваш балет «Любовью за любовь». Так это было?

– Не совсем. Уйдя из союза, я стал много работать как композитор, написал балет «Наполеон Бонапарт». А что касается балета, который вы назвали, его премьера состоялась в Большом в 1976-м, и он шел там 20 лет – до 1995-го. «Наполеона...» на сцене Кремлевского дворца поставил талантливый балетмейстер Андрей Петров. После премьеры, а успех спектакля был огромен, когда я вышел к зрителям, ко мне на сцену поднялся и Васильев. Поздравляя меня, он стал целовать мне руки. Я был ошеломлен.

На другой день тот же Васильев почему-то снял из репертуара Большого мой балет «Любовью за любовь». Вот и попытайтесь оценить все это объективно. Сегодня в ходу очень модно понятие «эпатаж». Может, то, что происходило в Кремле, как раз в рамках этого понятия? Не берусь судить выдающегося танцовщика, бог ему судья. Однако могу сказать, люди в большинстве своем очень слабые. Жизнь изменилась, и все пытаются к ней приспособиться. И в этом процессе творят такое, что в иное время никогда бы ничего подобного не сделали.

Когда я в 1929 году уезжал из маленького Ельца в Москву, мой отец, простой человек, напутствовал: «Не знаю, что с тобой там будет, но всегда помни два моих наказа. Во-первых, никогда не радуйся слишком своим успехам и не расстраивайся из-за неудач. Самое главное – работай. И во-вторых, живи сам и давай жить другим».

– Отцовские наказы пригодились?

– Еще как. К сожалению, в 1933-м, когда я учил-

ся в Московской консерватории, папы не стало. В то время я уже приобрел некоторую известность как композитор, и директор Детского театра Наталья Сац заказала мне музыку к спектаклю. Я был счастлив, работал самозабвенно, музыка к пьесе «Мик» была принята публикой хорошо, и я по-настоящему узнал, что такое успех. Очень досадно, что отец не увидел, как я разворачиваюсь, но его наказам следую всю жизнь.

– Ваши биографы пишут, что, еще будучи студентом консерватории, вы добились очень многого: успешно концертировали как пианист, в 1935-м написали симфонию, которую включил в свой репертуар знаменитый американский дирижер Леопольд Стоковский, плодотворно работали с Немировичем-Данченко. Но на выпускном экзамене по специальности Сергей Прокофьев почему-то поставил вам... четверку? Что случилось?

– Прокофьев – самый гениальный человек XX века. Я боготворил его и считал, что ему дано высшее право судить о музыке. Конечно, я был расстроен, но прошло время, и я понял, в чем дело. В те годы Сергей Сергеевич был увлечен совсем другим направлением в музыке. Он тогда писал то, что сам позже не исполнял. Музыка настолько модерновая, что для публики была совершенно неприемлема. Самое интересное другое – буквально за несколько дней до госэкзаменов Прокофьев дал интервью «Вечерней Москве»: «Только что в Нью-Йорке был на репетиции симфонии Хренникова, которую Стоковский готовит с Филадельфийским оркестром. Интересная вещь...» Вот эта симфония и была моей дипломной работой.

Прошло несколько лет. Как-то звонят из консерватории: «Придите, пожалуйста, и возьмите свой диплом». Я отвечаю: «Как-нибудь зайду. А если честно – с четверкой он мне не греет душу». Тогда женщина и говорит: «Тихон Николаевич, ученый совет посчитал решение той экзаменационной комиссии ошибочным. Вам переделали диплом, в графе «специальность» теперь стоит оценка «отлично». К тому же решено ваше имя выбить золотом на мраморной доске».

Но меня это уже мало волновало. Почему? Театр Вахтангова заказал мне музыку к спектаклю «Много шума из ничего », и я с головой ушел в работу.

– Там звучит великолепный романс «Как соловей о розе...». Расскажите, как он родился?

– В этом «виновата» моя возлюбленная. В то время я был безумно влюблен в свою будущую жену Клару. Она была журналисткой, работала в Союзе композиторов, и в 1936-м мы поженились. А тогда... Я снимал комнату в квартире актрисы Ясюнинской, и Клара пришла ко мне. Обрадованный, показал ей только что написанную песню. Однако мелодия ей не понравилась, и она сказала, что слова Павла Антокольского значительно ярче, чем музыка. И тут же пошутила: «Хорош влюбленный, который не может сочинить любовную серенаду!» Я промолчал, но когда она пришла на другой день, показал ей на эти слова совершенно новую мелодию. Так появилась серенада «Как соловей о розе».

– Клара Арнольдовна стала вашей музой?

– Конечно. Не будь она моей женой, неизвестно, как бы сложилась моя жизнь. Я Клару обожал, она была центром моей духовной жизни. Умнейшая женщина, с изумительным вкусом. Прекрасно знала музыку, литературу, живопись... Несколько лет назад она ушла в мир иной. Вместе мы прожили 67 лет.

– А как складывались ваши отношения с Немировичем-Данченко?

– Год от года крепли. Его буквально отцовское отношение меня невероятно воодушевляло. Владимир Иванович задумал поставить в своем театре оперу «В бурю» и заказал мне написать музыку. Он настоял, чтобы мы с Кларой бывали у него каждый день. Я играл новые отрывки, которые сочинял после предыдущего визита, а потом за чаем мы обсуждали драматические варианты, читали куски либретто. Это было упоительное время.

– Если не ошибаюсь, это был 1937 год?

– Да, год большого творческого подъема и невероятного горя, которое пришло в нашу семью. Были арестованы два моих брата – Николай и Борис. Первый был директором средней школы в Ельце, второй – начальником железнодорожной станции Лучок. Обвиняли их в контрреволюционной деятельности – печально известная 58-я статья, по которой сидело большинство в стране. Я стал повсюду писать письма и прошения. Требовал, чтобы это дело передали в открытый суд. Согласие пришло только на Николая. Мне посоветовали обратиться за помощью к известному адвокату Илье Брауде. Он дал согласие, запросив огромный гонорар. Таких денег у меня не было, но выручили друзья, дали взаймы.

Из Ельца Николая перевели в Орловскую областную тюрьму. Мы с Брауде поехали в Орел. Илья Давыдович после встречи с братом в тюрьме сказал, что его ужасно истязали. Сам факт приезда знаменитого адвоката в заштатный город и выступление его на суде с яркой речью заставило тех, кто писал доносы, выступить в качестве свидетелей и, естественно, отказаться от своих показаний. Николая оправдали прямо в суде и отпустили домой. Для того времени это был редчайший случай, а может быть, единственный. Брат вернулся больной, измученный, и через несколько лет умер.

А вот Борису помочь не удалось. В открытом суде его дело не разрешили рассматривать, всем был памятен пример с Николаем. Брата судила «тройка», ему дали 10 лет лагерей. Погиб он от истощения где-то в Архангельской области.

– Известно, в годы Великой Отечественной люди искусства сделали очень много, чтобы поднять дух наших бойцов. Чего стоит написанная вами музыка к кинофильмам «Сви-

нарка и пастух» и «В шесть часов вечера после войны»! Никогда не забуду, как я, мальчишка-суворовец, шагал под ваш «Марш артиллеристов»:

Артиллеристы, Сталин дал приказ.
Артиллеристы, зовет Отчизна нас.
Из сотен тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь! огонь!

– Вот так незаметно мы с вами и подошли к Иосифу Виссарионовичу. На ваш взгляд, Сталин разбирался в музыке?

– Прежде чем ответить на этот конкретный вопрос, хочу сказать несколько слов о самом «вожде и учителе». Только один факт. Начало декабря 1952 года. Последний раз в присутствии Сталина на Комитете обсуждался скрипичный концерт Леонида Афанасьева, выдвинутый на премию его имени. Это было время огромного напряжения, когда антисемитизм в нашем обществе дошел до крайней степени – в печати смаковалось дело «врачей-отравителей». На заседании я впервые воочию увидел чудовищное сталинское лицемерие и коварство.

Помню, как на этом обсуждении Сталин, обращаясь к членам Политбюро, сказал:

– У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразие!

Председательствующий тут же:

– Мы из слов товарища Сталина должны сделать далеко идущие выводы.

Мы все были взволнованы этими заявлениями. Подумалось, наконец до Сталина дошло это действительное безобразие. Начали надеяться, что вскоре все изменится. Но, увы, наоборот. Стало известно, что уже готовы вагоны для вывоза евреев из Москвы.

Слова же Сталина были рассчитаны на нас, представителей интеллигенции, находящихся на заседании. Чтобы мы всем потом рассказывали: антисемитские действия властей к Сталину не имеют никакого отношения.

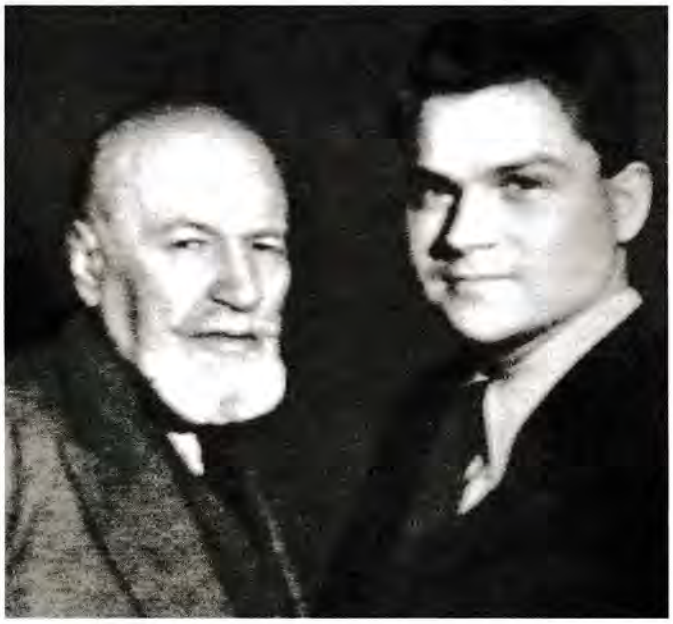
Что касается музыки. Сталин воспринимал ее односторонне, как-то очень своеобразно, в соответствии со своими наклонностями. Возможно, сказалось его пребывание в духовной семинарии. На любительском уровне он музыку чувствовал и понимал.

– После смерти Сталина вы «дирижировали» Союзом композиторов по своей партитуре или все же партийные и государственные органы влияли на развитие музыкального искусства?

– С первого дня моей работы мы находились под неусыпным оком аппарата ЦК КПСС. В частности, доклад, который я читал в далеком 1948-м на Первом съезде композиторов, прошел цензуру в отделе культуры ЦК. Все последующие годы мои выступления на съездах, на различных общественных акциях редактировались и поправлялись ответственными сотрудниками аппарата. Оттуда всегда шли указания, как строить внутреннюю жизнь союза, какова должна быть наша реакция на те или иные события в стране. Шагу нельзя было сделать, не получив «добро». Полный контроль во всем. Мой доклад на съезде 1986 года, хоть и шла уже тогда перестройка, все равно «перелопатили» на Старой площади.

– А как, на ваш взгляд, обстоит дело с пе-

Среди студентов Московской консерватории



С В.И. Немировичем-Данченко

сенным творчеством сегодня? Ведь какие бы ни случались в стране коллизии, как тяжело ни приходилось бы народу, мы всегда пели.

– Песенное искусство у нас во все времена пользовалось большой популярностью. К этому жанру обращались и крупные наши композиторы. Вслед за Дунаевским, Соловьевым-Седым, Новиковым в 60-е годы достигли расцвета композиторы-песенники Александра Пахмутова, Марк Фрадкин, Андрей Петров, Аркадий Островский... Но затем, особенно в 80-е годы, наша песенная традиция была не утеряна, а задушена! Мы перестали петь. И это произошло по вине телевизионного начальства, которым руководили люди из ЦК. Самое досадное, все свои действия они прикрывали понятием «перестройка», которая тогда, на бытовом уровне, воспринималась в народе положительно.

– Вы нарисовали очень минорную картину. И действительно, то, что мы сегодня слышим по телевидению, с трудом можно назвать песней. Но ведь ваши «Московские окна» до сих пор современны, живут и радуют слух. Какова их история?

– Это было в конце 50-х годов. Мы с Кларой отдыхали в Барвихе. К нам приехал Григорий Александров, автор кинофильма «Веселые ребята». Он попросил, чтобы я написал музыку к его новому фильму «Русский сувенир». Я согласился. Мы были друзьями и с ним, и с Любочкой Орловой. Это должен был быть шлягер для Любочки. Я сочинил мелодию. А потом получилось так, что нужно было срочно уехать за границу по делам Союза композиторов. Я предупредил Александрова, что не смогу написать музыку к картине. Уехал, а мелодия так и осталась неиспользованной. В начале 60-х годов мне вдруг позвонил Утесов и попросил новую песню для своей концертной программы. И тут я вспомнил, что где-то у меня есть одна зарисовка. Утесов приехал, я ему наиграл, оказалось, это то, что ему надо. Но требовались слова. Тут же мы созвонились с Мишей Матусовским, прекрасным поэтом, автором «Подмосковных вечеров». Он приехал, прослушал мелодию. А на следующий день по телефону продиктовал замечательные слова. Так что первым «Московские окна» исполнил Леонид Осипович в своей концертной программе.

– И песня сразу стала хитом?

– Настоящий успех к песне пришел только в начале 90-х годов. Помню, у меня со Светлановым были авторские концерты в Париже. Сидим мы с ним обедаем в одном ресторане, и вдруг я слышу: знакомая мелодия. Маленький оркестр тихо наигрывает мои «Московские окна». Мы спросили у скрипача, откуда он знает этот мотив? Оказалось, услышал песню по московскому радио, и она ему очень понравилась. А дальше выяснилось, что под музыку «Московских окон» танцуют во всех ресторанах Парижа. И только после этого песня стала популярна у нас. Потом уже специально под нее сняли 24-серийный фильм «Московские окна». Такова ирония судьбы. Надо признаться, я никогда не думал, что именно «Московские окна» станут моей самой популярной песней.

– Ваш рабочий кабинет похож на мини-музей. Лица родных, известных музыкантов... Какие мысли приходят вам в окружении этого великолепного созвездия талантов?

– Часто думаю, что искусство не может существовать в отрыве от жизни. Искусство – это жизнь. Будет улучшаться наша жизнь, искусство станет приобретать другой характер, будет отражать все хорошее, что появляется в этой быстротекущей действительности. Очень надеюсь, что наше искусство не умрет. Ведь русская музыкальная культура – ведущая в мире. К примеру, посмотрите на эти фотографии. Вадик Репин. Его привели именно в этот кабинет в возрасте одиннадцати лет. Когда он сыграл мой скрипичный концерт, я просто потерял дар речи. Сейчас он величайший скрипач современности. Или вот Максим Венгеров, которого тоже помню мальчишкой. Оба из Сибири. Сегодня Венгеров – выдающийся музыкант. Рядом – Женя Кисин, гениальный, потрясающий пианист. Все они входят в мировую музыкальную элиту.

– А в вашей семье вы кому-то передали свой музыкальный «маршальский» жезл?

– Тихону Хренникову. Правнуку. Надо признать, он здорово играет на рояле. Много занимается в музыкальном училище при Московской консерватории, у замечательного педагога и пианиста Александра Мдоянца. Сам сочиняет хорошую музыку. По композиции учится у профессора Татьяны Чудовой, моей ученицы. Мечтаю только об одном: чтобы у Тишки на все хватило выдержки, ибо на это дело нужно положить жизнь.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ И ДЕЛ

Очередное заседание Совета Федеральной палаты проходило в новом, буквально пронизанном светом, уютном конференц-зале. Но и это событие, подчеркнул во вступительном слове президент палаты Евгений Семеняко, не повод нарушать добрую традицию чествования именинников в таком расширенном составе. На сей раз члены Совета и гости тепло поздравили с 70-летием вице-президента ФПА, президента Адвокатской палаты Воронежской области Владимира Калитвина. От имени всех коллег ему вручено уникальное, роскошнейшее издание книги «Народная Русь».

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПРЕЦЕДЕНТ

Призыв президента ФПА к участникам заседания «не растекаться по древу», говорить по сути обозначенных в повестке дня вопросов прижился в новом помещении сразу, судя по содержанию состоявшегося разговора. Начался он с обсуждения актуальных проблем и текущих вопросов: о выполнении решений III Всероссийского съезда адвокатов по повышению квалификации адвокатов, организации юридической помощи в соответствии со ст. ст. 50–51 УПК РФ и ее оплате, о комиссиях и рабочих группах ФПА, распределении обязанностей между членами Совета ФПА, наградах…

Знаковым стало приятное сообщение о благополучном завершении конфликтной ситуации в Красноярском крае. Там органы Федерального казначейства, ссылаясь на письмо Министерства экономического развития и торговли от 14 июня 2007 года, приостановили выплаты адвокатам, оказывающим юридическую помощь по назначению. Е. В. Семеняко обратился к главе Минэкономразвития с просьбой разобраться в ситуации и отменить противоречащие Конституции РФ положения письма. И вот теперь Евгений Васильевич с удовлетворением сообщил присутствующим о положительном ответе из министерства.

Частная проблема, как говорится, закрыта. Но кто может гарантировать, что подобные прецеденты произвольного толкования законоуложений не «заявят» о своих правовых притязаниях в каком-то ином месте? Тем более что и сами законодатели допускают серьезные пробелы, позволяющие правоприменителям неоднозначно толковать ст. 131 УПК. Когда речь, в частности, идет об оплате труда адвокатов в уголовном производстве в выходные и праздничные дни, вечернее время, их процессуальных издержек. Как ни странно, но участвующие в уголовном судопроизводстве по назначению адвокаты почему-то оказались вне перечня лиц, чьи расходы на переезд к месту производства дела, проживание возмещаются за счет средств федерального бюджета или участников процесса. Благодаря твердости

позиции, настойчивости Совета ФПА дело сдвинулось с мертвой точки, в правительстве готовится соответствующий нормативный акт по обеспечению гарантированной оплаты труда адвокатов.

СВЕРЯЯ КУРС

Два года назад Совет ФПА принял решение о повсеместном внедрении разработанной вологодским адвокатом Сергеем Гавриловым и его коллегами единой корпоративной информационной системы АИАС «Адвокатура». Несмотря на то что сомнений в необходимости ее создания нет ни у кого, процесс идет непросто. Объясняется это прежде всего особенностями региональных образований, неодинаковым уровнем их информационной обеспеченности, разным видением содержания базы данных на местах. Тем не менее трудный процесс выработки общего для всех подхода к единой системе сбора, обработки информации, обмена ею идет все более активно. Позитивные перемены в отношении к идее единого информационного пространства отмечали многие наши читатели, они зафиксированы в документах практических семинаров в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Красноярске. Готовы к совместному труду с разработчиками в Ростове-на-Дону, Самаре, Хабаровске. Словом, уже ясно: уверенность в том, что АИАС в скором времени будет органично встроена в сложившийся организм адвокатского сообщества, базируется на прочной основе.

Еще один реальный шаг по пути координации различных позиций при решении типичных практических вопросов сделала недавняя выездная конференция в турецком Белеке. Ее участники обсудили проблемы взаимоотношений Федеральной и региональных палат в свете новых требований к адвокатуре. Причем обсуждение каждого вопроса в той или иной степени затрагивало проблемы формирования единого корпоративного информационного пространства. И когда «сверяли курс» методики и практики оказания квалифицированной юридической помощи по назначению в порядке ст. ст. 50–51 УПК РФ, и когда обсуждали требования к работе квалификационных комиссий, и когда анализировали систему профессиональной подготовки и переподготовки адвокатов, их стажеров и помощников. При этом подчеркивалось, что в европейских и американских адвокатских сообществах давно приносят реальную пользу и нормативные акты, и обязательные для исполнения методические рекомендации по повышению квалификации.

Единая методика профессионального совершенствования предусматривает многообразие форм и методов обучения – от занятий на местах с привлечением лучших специалистов Федеральной палаты до дистанционных семинаров и стационарных курсов при Российской академии адвокатуры. Ее проректор Светлана Володина утверждает, что такой системный подход позволяет не только четко определить, кого, где и на какие средства учить, но и обеспечивает для коллег свободу выбора форм, методов, места обучения. А еще это и наглядный пример корпоративной консолидации интересов.

РАЗНОЕ

На заседании Совета обсуждена ситуация с оказанием юридической помощи по назначению в Ненецком автономном округе, где 11 адвокатов на 15 судей, высказаны практические рекомендации по ее исправлению. Совет ФПА решил создать комиссию по правовому наблюдению, расширить численный состав комиссии по вопросам дисциплинарной практики и применению Кодекса профессиональной этики. Утверждены председатели комиссий по законопроектной работе, защите профессиональных и социальных прав, награждениям адвокатов, историческому наследию, рабочих групп.

Все, что обсуждали, о чем дискутировали участники заседания, делалось с учетом опыта, приобретаемого день за днем, месяц за месяцем, в непрестанном движении вперед по курсу, намеченному законом и последним съездом. Так вот внешне вроде бы незримая ниточка преемственности идей, планов и дел внутренней сутью своей самым тесным образом соединяет прошлое, настоящее и будущее адвокатского сообщества.

Валерий БОРИСОВ,
спецкор «Российского адвоката»
Фото Виталия АЛТАБАЕВА

ОЧЕВИДНОЕ НЕТИПИЧНОЕ

Идею провести на страницах журнала своеобразный заочный «круглый стол» с президентами региональных палат, чтобы обстоятельно потолковать об особенностях профессиональной деятельности коллег, подсказал нам после одной из своих многочисленных командировок в российскую глубинку президент Федеральной палаты адвокатов Евгений СЕМЕНЯКО. Такое адресно-гласное разрешение многогранных местных проблем с участием мэтров адвокатуры, по мнению Евгения Васильевича, поможет не только избавиться от конкретных издержек роста. Оно даст повод к большим размышлениям о различных методах и формах адвокатской работы. Анализ же и обобщение опыта позволят выделить из уникального типичное, широко применить его с пользой для общего дела.

Дальний Восток – начало всех начал для страны. Здесь встает солнце, начинается каждый наш рабочий день. Отсюда берет старт и азбука адвокатских новаций. Слово Виктору Григорьевичу КУШНАРЕВУ, президенту Адвокатской палаты Хабаровского края.

Фото Виталия Алтабаева

Жалоб на адвокатов в совет нашей палаты поступает не так много. Тем не менее характер их и сегодня не может не беспокоить. Охотник обижается на адвоката И., что тот не согласился на «ганарар» пушниной. Деньгами же он заплатить не может: цыплят, то бишь соболей и куниц, большой зимой считают. Следователь районной прокуратуры требует (!) принять меры к адвокату К. (кстати, бывшему коллеге пишущего), который посмел усомниться в качестве его работы, провел свое расследование и развалил дело. В итоге следователь «ни за что» был лишен премиальных. Глава администрации одного из самых отдаленных районов сетует на «полную неуправляемость» территориальных адвокатов. Они, дескать, никому, даже ему, первому лицу в районе, не хотят подчиняться, «повсюду болтают», что по закону вроде бы совсем независимы. И т. д.

Формально такие разные обращения, если подумать, близки по причинной сути. Жалобы появляются, на мой взгляд, прежде всего потому, что люди плохо осведомлены о предназначении, возможностях адвокатуры. А незнание это «произрастает», как правило, из плохо выстроенной системы наших взаимоотношений: с клиентами, оппонентами, представителями властных органов. И вроде бы есть тому оправдание – помощи чаще всего ищут те, кто живет в труднодоступных, малонаселенных районах, куда и попасть-то можно либо по воздуху, либо летом по воде, на моторной лодке. Там даже подготовленных юристов, не говоря уж о профессиональных адвокатах, раз-два и обчелся. В трех северных районах нашего брата нет вообще, в других местностях их в лучшем случае два-три (при полном наличии прокуратуры, милиции, суда – понятно, все на госдовольствии). В таких условиях независи-

мый адвокат почитает за счастье обеспечивать свой прожиточный минимум хотя бы плодами натурального хозяйства клиентуры.

Это объективное положение дел. Потому-то у нас и после выхода в свет закона об адвокатуре, создания палаты, других профессиональных образований ситуация в глубинке довольно долго почти не менялась. Но на каком-то из этапов мы поняли, что вращаемся лишь в круге собственных интересов, нуждаемся в «свежей крови» идей. Обратились к коллегам по юридическому «цеху», к руководству и сотрудникам Федеральной регистрационной службы по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области. В итоге родилось предложение по разработке регионального закона о юридической помощи гражданам в труднодоступных и малонаселенных местностях. В нем предусматривались ежеквартальные командировки адвокатов в отдаленные районы. При необходимости – сроком до 30 суток, с компенсацией из краевого бюджета, что немаловажно. При этом предусматривалась не только работа по конкретным уголовным делам, но и обязательная организация приема граждан, их консультаций по насущным житейским проблемам, выступления с лекциями по правовым вопросам, разумеется, при содействии местных органов власти, социальной защиты.

Не могу сказать, что такой наш подход к разрешению проблемы обеспечения юридической помощью населения сразу получил одобрение и поддержку. Многие во властных структурах сомневались в правильности избранного пути. Тем более что параллельно, почти силой, проталкивалась идея государственных юрбюро. Мы выдвинули встречную инициативу и предложили обсудить на координационном совете правоохранительных органов и в краевой Законодательной думе уже полученные результаты внедрения собственно хабаровской модели юридической помощи в глубинке. Кстати, одобренной органами местного самоуправления, в первую очередь из самых глухих сихотэ-алиньских районов. Важным аргументом послужила 700-процентная экономия средств, предназначавшихся на открытие госюрконсультаций.

Конечно, все это делалось в рамках закона об адвокатуре, но в то же время и в интересах его развития, дальнейшего совершенствования. А заодно и совершенствования краевого законодательства, принципов и механизмов его исполнения. К примеру, при разработке регионального закона было принято постановление об утверждении перечня труднодоступных и малонаселенных местностей, которые нуждались в «неотложной» юридической помощи. Если три года назад такими были признаны лишь Аяно-Майский и Тугуро-Чумиканский районы, то потом в перечень вошли еще три территориальных образования.

Думаю, если бы мы в строгом соответствии с законом об адвокатуре занимались только созданием юрконсультаций и обеспечением их какой-ни-какой деятельности, скорее всего, оказались бы в тупике. Во-первых, это сверхзатратно, то есть экономически нецелесообразно. Во-вторых, где на каждой территории, «у черта на куличках», взять шестерых адвокатов? В-третьих, реальной отдачи от созданных по велению свыше, но без учета местных особенностей юрконсультаций наверняка ждать-недождаться. «Галочки» же для отчета нынче вроде бы совсем ни к чему.

А так сегодня у нас, спасибо закону, действуют – в зависимости от местных условий – практически все разновидности профессиональных образований. И то, что делает в своем адвокатском кабинете в поселке Солнечный Александр Иванович Фомин, буквально отслеживая каждое нарушение закона по отношению к землякам, достойно не меньшего признания, чем самые резонансные дела наших мэтров. Это же своего рода профилактические сигналы работодателям, всем обладателям властных полномочий: не нарушайте – чревато… Мало того, он ведет серьезнейшую работу (к сожалению, пока лишь на общественных началах) по юридическому просвещению и воспитанию граждан.

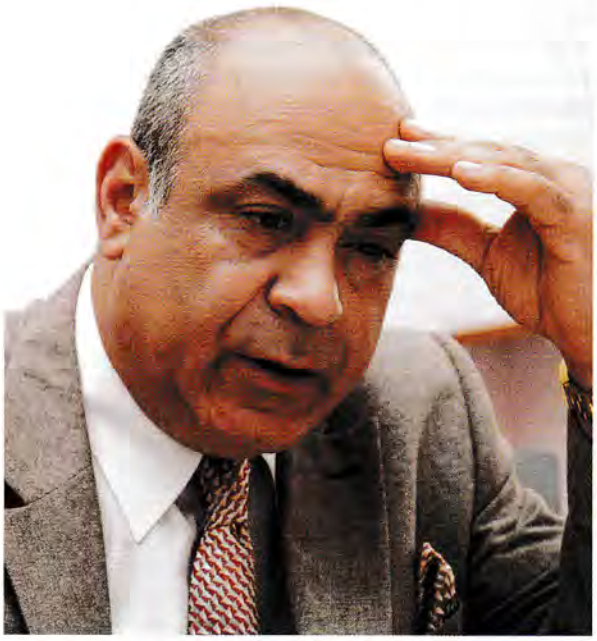
Конечно, его огромный опыт втуне не останется, в меру возможного мы несем его в адвокатские массы. Но, пожалуй, пришло время и побольше, поярче говорить о таких пионерах глубинки. Да, Фомин рассказывает на страницах «Российского адвоката» об особенностях своей, по большому счету, уникальной работы, каждым делом демонстрируя мастер-класс. Но кто еще готов бескорыстно провести такой, бесспорно предметно-полезный урок в той же сихотэ-алиньской тайге? Вообще-то не обязательно идти-ехать-плыть-лететь в самую тмутаракань. Можно ведь и наоборот: пригласить коллег оттуда, а заодно и из Москвы, к нам в Хабаровск. И обменяться мнениями обо всем, что для многих давно не тайна, в том числе и непростая система построения отношений с власть имущими.

Чтобы расширить круг таких «посвященных», мы приглашаем адвокатов с мест на научно-практические семинары с участием сотрудников Хабаровского филиала Академии правосудия, практических работников суда, представителей американской Ассоциации юристов. Обсуждаются на них, главным образом, проблемы совершенствования правозащитной деятельности в судебном процессе, гласности правосудия, открытости судов, вопросы профессиональной этики. В перспективе подумываем о создании в Хабаровске, как столице федерального округа, единого учебного центра для адвокатов всего дальневосточного региона. Здесь могли бы проводить мастер-классы лучшие адвокаты России, командированные и Федеральной палатой, и Российской академией адвокатуры, и собственным сердцем. У всех нас ведь одна цель – доведение до абсолюта предоставленных Конституцией гарантий защиты прав и интересов каждого гражданина.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Незаметно бежит время, и вот уже десять лет минуло с той поры, как в Москве впервые в отечественной истории было открыто уникальное в своем роде высшее образовательное специализированное учреждение – Российская академия адвокатуры (РАА). Неординарна сама ситуация с ее созданием. Когда в конце 1995 года я объявил о том, что адвокатам надо бы иметь свое учебное заведение, среди региональных коллег нашлось достаточно скептиков, которых одолевали сомнения: мол, только Гильдию российских адвокатов создали, а тут еще вуз...

То было время, когда образовательные учреждения росли словно грибы после дождя, и организовать юридический факультет на базе действующего вуза было несложно. А вот создать вуз с «нуля», которого никогда не существовало в истории российской государственности, совсем другое дело. Задача, которую я поставил перед собой сам, была не из простых, предстояло преодолеть целый ряд трудностей.



Гасан МИРЗОЕВ,
ректор Российской академии адвокатуры,
доктор юридических наук, профессор,
президент Гильдии российских адвокатов

На первых порах заниматься всеми подготовительными процедурами я поручил профессору, доктору юридических наук С. Цветкову, к сожалению, ныне покойному, позже подключил своего заместителя по коллегии «Мосюрцентр» М. Крестинского. Было немало людей, которые своим авторитетом и участием помогли сделать первые шаги. Надо отдать должное С. Степашину, в то время министру юстиции РФ, который серьезно воспринял проблему и поддержал идею. Уважительно отнесся к созданию академии и руководитель МГЮА О. Кутафин. Будучи председателем комиссии Минобразования, он лично подписал разрешение на аккредитацию вуза.

Надо понимать, что получение права заниматься образовательной деятельностью – процедура не одномоментная, это довольно длительный процесс, когда специальной комиссией Минобразования исследуется целый ряд обстоятельств. Наконец в декабре 1997 года мы получили все необходимые документы – с этого времени, если говорить официально, начала работать РАА. Десятилетие для вуза – срок небольшой, но он сумел зарекомендовать себя исключительно с положительной стороны. Лицо любого вуза – его профессорско-преподавательский состав. РАА прославилась выдающимися кадрами юристов, которые сразу пришли работать к нам не совместителями, а в штат. Доктора юридических наук Ю. Стецовский, М. Бабаев, М. Попов, Т. Радько составили кадровый костяк академии, который позже пополнился целым рядом высококвалифицированных педагогов и ученых.

Поначалу у РАА не было своего здания, помещения арендовали у другого вуза. Позже решением правительства Москвы нам выделили здание на Бакунинской улице, но не было денег на ремонт, и город принял решение о возврате зданий бывших детских садов. И тогда общими усилиями ГРА и «Мосюрцентр» мы выстроили новое здание для коллегии адвокатов «Мосюрцентр», а старое передали академии. Получилось, что сначала мы тратили средства на перепланировку классов бывшей школы в офисные помещения для адвокатов, а теперь снова переделывали их в аудитории для студентов. Сегодня весь наш комплекс называется Центральным домом адвоката: и в одном здании работают адвокаты, в другом учатся будущие адвокаты.

Когда был принят Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», в состав учредителей академии вошла Федеральная палата адвокатов РФ. Тогда же президентом РАА был избран президент ФПА, кандидат юридических наук, практикующий адвокат Е. Семеняко, а ее вице-президентами – президент Федерального сою-

за адвокатов России А. Галоганов и доктор юридических наук, член Общественной палаты РФ А. Кучерена. Не скрою, я хотел, чтобы во главе РАА стояла ФПА РФ, потому что руководители приходят и уходят, а то, что мы создали, останется.

Сегодня в РАА обучаются 1000 студентов вместе с аспирантами. Первое высшее юридическое образование выпускники получают по специальности «юриспруденция». Квалификацию бакалавра они получают через 4 года, юриста – через 5 лет, магистра – через 2 года. Для тех, кто имеет среднее профобразование по специальностям «правоведение» и «право и организация социального обеспечения», срок обучения в академии – 3–3,5 года. Помимо традиционной гражданско-, уголовно- и международно-правовой, у нас есть специализация по адвокатуре. Подчеркну, наши студенты получают не только классическое юридическое образование, но и углубленные знания по специфике адвокатской деятельности. В учебные планы академии включены уникальные курсы, связанные с правами и обязанностями адвоката, гарантиями его независимости, психологией профессионального и личностного роста, альтернативными способами разрешения споров, основами юридической риторики и искусством судебной речи. Адвокат – публичная профессия, требующая способности владеть словом и умением преподнести себя, поэтому много внимания у нас уделяется нюансам и атрибутам адвокатской профессии.

Вступительные испытания начинаются с собеседования – нам крайне важно знать, что представляет собой молодой человек, в какой семье воспитывался, почему хочет получить юридическое образование. Затем обязательное компьютерное тестирование по обществознанию и отечественной истории.

Производственную и преддипломную практику наши студенты проходят не только в судах и адвокатских коллегиях, но и в федеральных органах власти РФ. И потому многие выпускники РАА нашли применение своим знаниям в государственных органах. Назову некоторых из них. Н. Булатова работает в Арбитражном суде Москвы, А. Борец – в Администрации Президента РФ, И. Курмалиева – в Счетной палате Москвы, Д. Бульбачев служит в органах наркоконтроля, Н. Сергеева – прокуратуры, М. Бобков возглавляет Институт информационных технологий и повышения квалификации кадров. Гордость академии – вчерашние выпускники – в подавляющем большинстве пополнили ряды адвокатуры.

Впервые в РФ мы специализировали послевузовское образование, создали российскую академическую школу адвокатуры – аспирантуру с двумя специальностями: «Теория и история права и государства» и «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура». Кроме того, президиумом Высшей аттестационной комиссии Минобразования в РАА утвержден диссертационный совет, куда входят такие видные ученые-юристы и адвокаты, как А. Бойков, С. Юрьев и др.

В академии есть клуб действительных членов (академиков) и членов-корреспондентов РАА, который разрабатывает перспективные планы научной деятельности академии. Наряду с членами ученого совета в него вошли академик РАН О. Кутафин, профессоры И. Петрухин, К. Бекяшев, В. Туманов и др.

И мы опять же впервые в РФ начали учить не только на адвокатов, но и самих адвокатов. Решением Совета ФПА на базе Российской академии адвокатуры созданы и успешно функционируют Высшие курсы повышения квалификации адвокатов РФ. Занятия организованы по 72-часовой программе в соответствии с действующими государственными стандартами, по итогам семинаров выдается свидетельство государственного образца.

Довольно часто приходится слышать рассуждения о том, что за последние 10–12 лет в стране создано немало правовых вузов, и не нужно больше наращивать выпуск таких специалистов. Я однозначно не согласен с теми руководителями и политиками, которые полагают, будто в России выпускают слишком много юристов. Напротив, мы еще сильно отстаем как от США, так и от просвещенной Европы. У нас на 140 млн. населения всего около 60 тыс. адвокатов. Если сделать элементарный арифметический расчет, нетрудно убедиться, на сколько тысяч взрослых россиян приходится всего один адвокат. В нашей стране еще минимум лет сто надо выпускать таких специалистов.

Вопрос в другом: какого качества должна быть подготовка в юридических вузах? Речь нужно вести не об увеличении числа юридических вузов, а об их сокращении в сторону повышения качества обучения. И тогда, я убежден, вузы, которые в состоянии обучать серьезно, квалифицированно и профессионально, будут укрепляться. А те, которые до заоблачных высот взвинчивают цены или ставят выдачу дипломов на поток, в то время как их студенты пишут лекции где-то на коленке, просто не выживут. И потому РАА придерживается иных принципов. Исходя из потребности академии, на основании тех нормативов, которые установлены Минобрнауки, мы можем принимать более 330 человек в год плюс к уже обучающимся студентам. Это та высокая планка, которую поставил перед собой профессорско-преподавательский состав. Мы ни в коем случае не делаем из образования какой-то коммерческий проект. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить зарплату преподавательского состава и плату за обучение. Когда мы начинали, дефицит бюджета РАА составлял несколько миллионов рублей, правда, каждый год он сокращается, сейчас понизился до нескольких десятков тысяч рублей. Повторю, у нас нет погони за численностью, идет последовательный и поэтапный процесс укрепления вуза, успешно проработавшего десять лет.

ТРАГЕДИЯ В СЧАСТЛИВОМ

Говорят, ярый враг адвоката – его любимый клиент. Потому что симпатии – это как дополнительный стимул к поиску правовых выходов из сложнейших житейских, юридических ситуаций. И приходится совершать действия, в обыденной жизни совершенно тебе не свойственные. Но на что не решишься ради человека, доверившего тебе свою судьбу, а порой и жизнь! Конечно, строго в рамках закона и кодекса профессиональной этики. А для адвокатов с южных гор тактика с непременным учетом кавказского менталитета, обычаев, традиций предков имеет особое значение. Чем она разумнее, тем меньше врагов у адвоката.

Рашид ТЕУНАЕВ,
президент Адвокатской палаты Карачаево-Черкесской Республики

Четверо молодых людей собрались отметить в лесополосе неподалеку от родного села Счастливое приятное событие – получение зерна на земельные паи. Прихватили с собой замаринованное мясо, спиртное. Уже стали жарить шашлык, когда к ним подошел гость незваный – односельчанин Б., сорокалетний отец четверых детей. Был он уже выпивши и не против «продолжить». Собравшиеся не возражали, да и как пойдешь против старшего?

В это время мой будущий подзащитный К., как самый младший в компании, занимался шашлыком. Совсем уже пьяный Б. с грубой нецензурной бранью потребовал от него быстрее подавать закуску. Не получив ни мяса, ни ответа, подошел к юноше и предложил помериться силой. Схватил его за грудки, потянул к себе через костер и попытался ударить. Вынужденный защищаться К. нанес ответный удар. Б. упал на одного из ребят и «отключился». В шоке от случившегося молодые люди попытались как-то привести его в чувство, но не смогли. Отвезли Б. в больницу, сообщили о происшествии в милицию.

В тот же вечер К. явился с повинной, следователь прокуратуры составил протокол, было возбуждено уголовное дело по признакам ч. 4 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни и повлекшее по неосторожности смерть. Суд избрал меру пресечения для К. в виде заключения под стражу. Парню «светило» от 5 до 15 лет.

В дело я вступил на стадии предъявления обвинения. С трудом мог даже себе объяснить, как добрый, воспитанный на народных обычаях и традициях юноша смог ударить старшего по возрасту. К. откровенно, в деталях рассказывал, как все произошло. Он всего-то и хотел, чтобы почти ровесник его отца не выражался нецензурно по отношению к его матери (самое страшное оскорб-

ление на Кавказе), не мешал дожаривать шашлык. Ударил он его или просто оттолкнул, не помнит. Отложилось в памяти, что хотели привести Б. в сознание, потом отвезли его в больницу.

Сама собой возникла мысль о «спасении» молодого человека, оценивая его действия как причинение смерти по неосторожности. Стали, естественно, заявлять мотивированные, как представлялось, ходатайства о переквалификации действий К. на ч. 1 ст. 109 УК. Однако прокуратура настаивала на своем, неоднократно продлевала сроки следствия. В свою очередь суд удовлетворял ее ходатайства о дальнейшем содержании К. под стражей.

Стало очевидно, что открытая, принципиальная тактика защиты на данном этапе успеха не принесет. И я решил смягчить позицию в отношении поведения покойного Б., не настаивать на его вине и тем самым попытаться примирить стороны. Предложил родственникам своего подзащитного наладить контакты с потерпевшими, выразить им соболезнования, принести извинения. Если они согласны, то, по канонам древних кавказских обычаев, компенсировать им причиненный вред.

Расстались мы вполне дружелюбно. Но вскоре кто-то начал подливать масло в огонь, и отношение потерпевших резко изменилось в худшую сторону. Начались многочисленные попытки давления на К. через оперативников, свидетелей, сокамерников. Кто-то очень хотел, чтобы он признался в умышленных действиях. И тогда я решился на очередной нетрадиционный ход – попросил сельского эфенди (священника) принять свои меры к примирению сторон, объяснив, что и мы не будем отрицательно характеризовать покойного. Этот шаг тоже оказался эффективным.

В конце восьмого месяца содержания К. под стражей было назначено слушание дела в районном суде. Стороны вели себя сдержанно. На вопрос судьи подзащитный со слезами на глазах, учтя мои советы, обратился к залу: «Простите меня, я не хотел его убивать, примите мои соболезнования». Так, плачущий, и заявил, что показаний давать не будет. Присутствующие тоже вытирали слезы... И в таком напряжении проходили все судебные заседания. Как обвинение ни стремилось акцентировать внимание на неких отрицательных моментах во взаимоотношениях между К. и Б., ничего из этого не вышло.

Между тем еще на стадии следствия возникли сомнения в достоверности заключения судебно-медицинской экспертизы, согласно которому Б. умер от алкогольного отравления. Потерпевшая сторона заявила ходатайство о назначении комиссионной СМЭ. Возражать мы не стали.

Но тут следователь вышел в суд с ходатайством об эксгумации трупа. А по мусульманским канонам это недопустимо, и защита вновь подключила священника, чтобы убедить родственников погибшего не проводить эксгумации. В результате потерпевшие выразили свое несогласие со следователем и просили суд учесть их мнение. В свою очередь возразила против эксгумации и защита. Правда, мы при этом заявили ходатайство о допросе руководителя СМЭ в качестве специалиста: возможно ли дать заключение без процедуры эксгумации. И получили его подтверждение, что информации в описательной части заключения достаточно для объективного вывода: смерть Б. наступила в результате черепно-мозговой травмы. Возражать мы не стали, иначе пришлось бы возвращаться к исходному.

Благодаря же «дипломатичности» тактики взаимных уступок была достигнута едва ли не главная цель защиты на этой стадии – не вызвать у потерпевшей стороны отрицательных эмоций. К тому же совпадение позиций по такому весьма щекотливому поводу не могло не повлиять на суд: следователь получил отказ. Неторопливое, осознанное дальнейшее сближение позиций сторон продолжалось. Более доверительным стало и отношение ко мне. Родной брат покойного заявил, что он понимает, какие цели, задачи решает защитник подсудимого, но в случае «удачного» приговора просит, чтобы виновный в гибели его брата не появлялся в селе. Таков горский обычай: обидчик изгоняется до тех пор, пока не получит прощения. После совета с подзащитным и его родственниками мы дали согласие на это, получив взамен заявление потерпевших, что они не имеют претензий к К.

Таким вот образом удалось разрешить острейшие противоречия, устранить малейшие возможности конфликтов и кровной мести. В завершающем судебном заседании мой подзащитный вновь заявил: «Не желаю причинить боль родственникам, рассказывая при них об обстоятельствах дела. Еще раз прошу прощения. Я не хотел этого, случайно все получилось». Гособвинитель был иного мнения. Он до конца полагал, что К. совершил преступление умышленно, резко отрицательно характеризовал его поведение и просил назначить ему наказание в виде 7 лет лишения свободы. Понятно, что моя защитительная речь была прямо противоположной. Действия К. я просил оценить как неосторожные.

Прекрасно знакомые с нашими горскими обычаями судьи не могут не принимать во внимание отношение сторон к их исполнению, если они не противоречат закону. Райсуд признал К. виновным в причинении смерти по неосторожности и приговорил его к 9 месяцам лишения свободы. Прокурор района внес кассационное представление об отмене приговора, посчитав, что «суд неправильно применил уголовный закон». Я тут же предъявил свои возражения, и все осталось в силе. Это была наша победа – как в правовом, так и в нравственном плане.

Вот только отбывшего наказание К. так пока и не увидишь в родном селе Счастливое...

ПРАЗДНИК В

В Башкортостане состоялись мероприятия, посвященные 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России, Дню российской адвокатуры и 85-летию образования республиканской адвокатуры.

В мае 2007 года в Уфе была проведена общереспубликанская спартакиада, в которой приняли участие 350 адвокатов и сотрудников адвокатуры. В соревнованиях по футболу, волейболу, перетягиванию каната состязались восемь сборных команд из разных регионов республики. Кроме того, были организованы личные соревнования по подъему 24-килограммовой гири, армрестлингу, кроссу как среди мужчин, так и среди женщин, а также различные конкурсы, например, «За лучший номер художественной самодеятельности», «За лучшее блюдо» и др.

Живописную загородную территорию уфимского аэроклуба для проведения спартакиады выбрали неслучайно: там были организованы прыжки парашютистов. А еще желающим предложили экскурси-

[1]

[2]

[5]

БАШКОРТОСТАНЕ

онный групповой полет на самолете. Команды и участники личных соревнований, занявшие призовые места, были награждены дипломами, призами и ценными подарками. Проведению общереспубликанской спартакиады предшествовали пять аналогичных зональных мероприятий.

А в сентябре в Уфе состоялось республиканское торжественное собрание, посвященное этим знаменательным событиям в жизни Башкортостана.

Альбина ГИМАЛСТУДИНОВА,
спецкор «Российского адвоката» по Республике Башкортостан
Фото Вячеслава ХУДЯКОВА

[3]

[4]

[6]

[7]

[8]

На снимках:

Президент Адвокатской палаты Республики Башкортостан Шамиль Махмутов приветствует участников [1]

Сила на силу [2]

Эй, ухнем [3]

Дуэт Шамиля Махмутова и Эрика Губайдуллина [4]

В ожидании состязаний [5]

Перекусили и в бой [6]

Иду на рекорд [7]

Здравствуй, земля [8]

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ... ПО ОГОВОРУ

Непросто найти адвоката, у которого складывались бы безоблачные отношения с милицией, прокуратурой, да и, пожалуй, с судом. И это вполне естественно, ибо любой состязательный процесс редко завершается всех устраивающей ничьей. Гораздо чаще у победителей и побежденных как в процессе соперничества, так и по результатам его сохраняется больше разногласий и вопросов, чем поводов для взаимного согласия и тем более сотрудничества. Правда, трения и сжигающих мосты искр гораздо меньше, когда соперничающие стороны действуют в жестких рамках установленных правил, в нашем деле – в соответствии с положениями законов. А если сам суд нарушает их?

Гиви ГИГОЛАЕВ,
член Адвокатской палаты
Республики Северная Осетия-Алания

Мой доверитель Ринат Саитов обвинялся в изготовлении, хранении, сбыте наркотиков, склонении к их употреблению, содержании притона. Дело рассматривалось в Лабытнангском городском суде. Обвинение предложило начать процесс с оглашения показаний свидетелей. Но поскольку в работе с ними допускались серьезные нарушения закона, я не дал согласия. Судье А. А. Краснову краткий спич защитника явно не понравился, и мое мнение прозвучало гласом вопиющего в пустыне.

А потом начался настоящий цирк. Некто Новиков во время допроса других свидетелей элементарно сбежал. Хотя имел к тому времени четыре года условного наказания и не мог не знать, чем ему грозит такое поведение. Судья же сделал вид, что ничего не случилось, объявил перерыв и поручил судебному приставу доставить беглеца.

Я разговаривал со знакомыми на крыльце, когда к нам подошел молодой человек и сказал:

– Я знаю, что вы – адвокат Саитова. Я сбежал, чтобы не давать показаний против него. Меня избивали на следствии, а сейчас возили в милицию, там дали прочитать мои показания. «Посоветовали» подтвердить их, иначе тоже пойду под суд.

Ну что я мог сказать этому человеку, которого и видел-то впервые?

– У вас есть право дать такие показания, которые позволяет ваша совесть или которые вы считаете нужными.

А в деле Саитова существенную роль играла деталь: участвовал он или нет в изготовлении наркотиков. При этом свидетели показали, что участвовал – вместе с Новиковым. Их и задержали вместе с другими, и продержали в милиции сутки, и допрашивали примерно в одно время. Правда, моего подзащитного как подозреваемого по семи эпизодам (лишь один подтвердился), а Новикова и других в качестве свидетелей.

И вот теперь Новиков заявил, что в момент изготовления наркотиков Ринат Саитов находился в другой комнате. Но тут по ходатайству обвинения огласили его показания, данные в ходе следствия.

Последовавший затем диалог заслуживает внимания. Судья задал вполне логичный, казалось бы, вопрос:

– Когда же вы говорили правду – тогда или сейчас?

– Я соврал чуть-чуть на следствии и чуть-чуть сейчас.

– Тогда, с учетом вашего условного наказания, я вынужден взять вас под стражу. Если же вы откажетесь *от показаний в пользу Саитова, останетесь* на свободе. Прежде чем решить, как поступить, ответьте: «Есть ли кто-нибудь в зале, кто уговаривал вас дать последние показания?».

Новиков указал на меня – дескать, адвокат Гиголаев. Судья тут же прекратил заседание и объявил перерыв… Ни до, ни после Краснов почему-то не обращал внимания на очень важные обстоятельства. В частности, на письменные объяснения оперативного сотрудника наркоконтроля Смирнова в деле, свидетельствовавшего, что никаких контактов с Новиковым у меня не было. Никак не отреагировал на показания о том, что свидетель Новиков готовил наркотики. Как и на результаты проведенной по моему ходатайству прокурорской проверки законности задержания Саитова, Новикова и других. Нарушений в действиях сотрудников милиции прокуратура не установила. Между тем в милиции с задержанными обращались отнюдь не в рамках закона: Саитову, например, сломали руку, а его амбулаторная карта с соответствующими записями таинственным образом исчезла… Мое ходатайство о проведении судебно-медицинской экспертизы подзащитного не было удовлетворено.

В результате такой вот «состязательности» появился вывод, что адвокат Г. Г. Гиголаев склонил свидетеля Новикова к даче ложных показаний, а заодно и публично обвинил другого свидетеля в совершении тяжкого преступления. Суд нашел, «что вопрос о наличии либо отсутствии в действиях адвоката Гиголаева Г. Г. состава преступления должен быть рассмотрен прокурором г. Лабытнанги». Родилось частное постановление о… фальсификации мною доказательств.

Поражает непривычная оперативность взаимодействия суда и прокуратуры, с которой дальше разворачивались события. Постановление принято 15 ноября 2006 года. 20-го в Лабытнангский горсуд поступило соответствующее представление прокурора на заключение суда о наличии или отсутствии в действиях адвоката Гиголаева признаков преступлений, предусмотренных ст. 33 ч. 4, ст. 307 ч. 2, ст. 309 ч. 1 УК РФ. Лишенные всякого здравого смысла обвинения адвоката в фальсификации доказательств вроде бы и не нуждаются в ответном «сам дурак». Но порой приходится использовать и подобную методику защиты – в тех случаях, когда другая сторона не умеет или не хочет слышать оппонента. Тем более что ее позицию поддерживает суд, готовый простить обвинению не только не замеченные им отдельные процедурные погрешности следствия, но и явно обвинительный уклон выводов.

Без процессуального оформления сутки содержались в милиции П. В. Чуликов и С. А. Ковальский, были там избиты, а прокуратура никаких нарушений не обнаружила. В производстве того же судьи Краснова уголовное дело в отношении

Рис. Софьи Бестужевой

В. В. Савченко по налоговым преступлениям, искусственно разделенное по доходам. Тем самым было грубо нарушено Постановление Верховного суда РФ № 64 от 28 декабря 2006 года.

Представленные лабытнангской прокуратурой доказательства по уголовному делу в отношении Г. М. Рустамова и Р. Е. Агавердиева (ст. 105 УК РФ) были добыты с грубыми нарушениями норм УПК РФ. Даже протокол осмотра места происшествия оказался сфабрикованным. Но все это прошло мимо внимания прокуратуры и окружного суда.

Не раз и не два обращался я с жалобами на нарушения законов в прокуратуру Ямало-Ненецкого автономного округа, в Генпрокуратуру России. Но, как говорится, воз и ныне там. То есть в «пунктах отправления», где происходили события, в местных прокуратуре и милиции. Проделав немалый путь до столицы страны, наши обращения возвращаются к тому, чьи действия обжаловались.

Получается замкнутый круг, разорвать который я сам просто не в состоянии. А ведь за моими вроде бы личными обращениями в высшие правоохранительные инстанции – не только решение проблем конкретного адвоката, но и судьбы людские. Самое странное, что бездушно-формальное отношение к ним проявляют те, кто призван стоять на страже закона – то есть прав и интересов граждан.

Девальвация звания

Александр Каньшин – председатель совета директоров Ассоциации офицеров запаса Вооруженных сил «Мегапир», доктор философских наук и заместитель председателя Комиссии по общественному контролю за правоохранительными органами, силовыми структурами и судебной системой Общественной палаты России. Как выходец из армейской среды, свою деятельность в ней он связывает с правовой защитой военнослужащих.

В государстве офицерский состав представляет собой социально-профессиональную группу граждан, в Вооруженных силах – административно-правовую категорию военнослужащих. Но посмотрите, какое к ним отношение! Произошел вопиющий перекос: у солдат-контрактников сейчас приличное денежное содержание, хорошее материально-бытовое обеспечение, в частности, общежития кубрикового типа. А у командира взвода или роты жилья нет, зарплата всего на тысячу рублей больше. Ну а о том, что наши лейтенанты, майоры и полковники получают в 10–15 раз меньше, чем их коллеги по оружию за рубежом, лучше промолчать. О каком престиже военной профессии можно вести речь, если наши офицеры стесняются в военной форме показываться в общественных местах. Разве нормально, когда офицер, который по сути своей должен готовиться к войне и даже жертвовать жизнью, получает 7–8 тысяч рублей? При этом он несет службу до 70 и более часов в неделю, а средняя почасовая оплата воинского труда значительно ниже, чем в среднем по стране.

Дело в том, что действующее законодательство о военной службе давно не соответствует реальной жизни. Знаете, какой контракт в настоящее время подписывает офицер? В нем одни обязательства для человека в военной форме, государство же не гарантирует ему практически никаких прав. Социальная незащищенность военнослужащих привела к тому, что за последнее десятилетие в обществе сформировалось отношение к военной профессии, как к чему-то ущербному. А ведь специфика военной службы уже сама по себе предполагает ограничения прав и свобод людей «в форме» по сравнению с гражданским населением.

К сожалению, есть полпреды Президента РФ, которые в войсках не бывают, и есть губернаторы, которые даже с ветеранами не встречаются. Впечатление такое, что проблемы армии – забота исключительно федерального центра. У нас президент – Верховный главнокомандующий, а губернаторы в работе военных советов не участвуют.

На мой взгляд, настало время, когда решать насущные проблемы в оборонной сфере возможно только во взаимодействии армии и общества. Все отрицательное, что накопилось в нем, отражается на армии, а затем бумерангом возвращается назад. В качестве доказательства приведу несколько цифр: 30 процентов юношей призывного возраста не могут служить в армии и на флоте по состоянию здоровья, 16 – имеют только начальное или среднее образование, 40 процентов нигде не учились и не работали, 3 – имеют снятую или погашенную судимость. При этом статистика умалчивает, сколько среди нынешних призывников вместо начальной военной подготовки получили бесплатные уроки ненависти к армии, проходя свои «университеты» в форме уличных тусовок на просторах митинговой «демократии». Иными словами, армия – визитная карточка общества.

О проблемах, с которыми мы столкнулись, работая в Общественной палате, говорить можно много. Наши конструктивные предложения были направлены министру обороны, по некоторым уже приняты решения. В настоящее время начата подготовка к проведению масштабного гражданского форума «Армия и общество», в рамках которого предстоит обсудить, какая армия нам нужна и какой она должна быть. Совместно с Академией военных наук собираемся провести военно-философскую конференцию, цель которой – проанализировать, в какой мере глобальные изменения в мировой цивилизации влияют на вооруженные конфликты и армии.

ОТПУСК В НАТУРЕ

Почти три года длилось это, на первый взгляд, совсем не сложное дело о нарушениях, допущенных при увольнении инженера-ремонтника Татьяны Танкеевой с работы из комитета по делам молодежи администрации Солнечного района в связи с уходом на пенсию.

Александр ФОМИН,
адвокатский кабинет,
пос. Солнечный Хабаровского края

Жители нашего Солнечного – «северные» люди, то есть законные обладатели «государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях». У нас при увольнении сотрудника по собственному желанию работодатель обязан предоставить ему отпуск в натуре. Но есть руководители, которые решают сами оформить подчиненному отпуск перед увольнением или ограничиться компенсацией.

В начале февраля 2003 года Татьяна Николаевна написала заявление на отпуск с последующим увольнением. В соответствии с законом, да и по элементарной логике, должен был увидеть свет приказ – о предоставлении ей отпуска и об увольнении. Однако в нем значилась лишь одна формулировка – об увольнении. Без предоставления положенного полного отпуска, с заменой части его денежной компенсацией, что запрещено Трудовым кодексом РФ (ст. 126). Мириться с таким отношением к себе и закону Танкеева не согласилась и 5 марта обратилась в Солнечный районный суд с иском о восстановлении на работе, предоставлении ей, как и положено, отпуска в натуре, оплате вынужденного прогула.

Вместо вполне ожидаемой поддержки она встретила там дружный отпор. Судья В. Марченко, отметив в своем решении, что ответчик устранил нарушения, причем якобы до обращения Танкеевой в суд, мягко говоря, дважды погрешила против истины. Во-первых, вольно или невольно сместила даты. Во-вторых, и это самое главное, ушла от признания того факта, что приказ о предоставлении моей доверительнице отпуска – с 18 февраля по 23 марта – появился лишь 1 апреля, то есть задним числом. В соответствии с ним Татьяна Николаевна должна была получить 2800 руб. отпускных и 303 руб. 38 коп. в виде материальной помощи. Причем и такое решение руководство комитета приняло после вмешательства комиссии по трудовым спорам, куда обратилась Танкеева.

В заявлении истицы о предоставлении отпуска и увольнении нет и намека на отказ от натурального отпуска, замену его денежной компенсацией. Вместе с тем судья посчитала – коль инициатором увольнения была истица, уже поэтому действия ответчика следует признать законными. Отсюда и формулировка решения: «Администрация комитета по делам молодежи устранила допущенное нарушение закона и произвела увольнение согласно ст. 127, в соответствии со ст. 80 ТК РФ еще до обращения истицы в суд с иском о восстановлении на работе и предоставлении отпуска в натуре...» Определением судебной коллегии по гражданским делам Хабаровского краевого суда решение райсуда было оставлено без изменения.

В надзорной жалобе мы обратили внимание суда на неточное толкование представленных истицей документов и неправильное применение норм материального права. Рассмотрев наши доводы, президиум краевого суда определил, что «вывод районного суда о фактическом предоставлении работодателем Танкеевой отпуска в натуре не соответствует действительному смыслу понятия «отпуск». Решение суда первой инстанции и кассационное определение судебной коллегии были отменены, и дело направлено на новое рассмотрение.

На этот раз судья И. И. Хуснутдинова признала, что уволили мою доверительницу с нарушением действующего законодательства, без фактического предоставления отпуска. Суд обязал восстановить Татьяну Николаевну на работе и предоставить ей очередной оплачиваемый отпуск. И та «первоапрельская шутка» работодателя с оценкой пособия не прошла – ему было предписано выплатить средний заработок бывшей сотруднице, 39 325 руб. за время вынужденного прогула.

Но ответчик не сдался. Желая потянуть время, обжаловал это решение в кассационной инстанции. Пришлось нам в очередной раз писать надзорную жалобу в краевой суд. Наконец, постановлением его президиума исковые требования Танкеевой в полном объеме были удовлетворены.

ЖИТЕЙСКИЙ СПОР – ЕЕ СТИХИЯ

Профессиональная деятельность адвоката Татьяны Николаевны Богдановой началась больше тридцати лет назад. Сразу после окончания Харьковского юридического института ее направили работать в Котельнич – небольшой городок в Кировской области.

Она до сих пор с теплотой вспоминает своих старших коллег – Феликса Матвеевича Попова и Андрея Александровича Безнадежных, а особенно Анну Самойловну Пужевскую. Это она обучала ее в то время еще не написанным правилам адвокатской этики, в том числе тонкостям делового стиля одежды. В те годы приоритет отдавался уголовным делам, а в Котельниче Татьяна Николаевна была единственным адвокатом. Нагрузка, понятно, падала колоссальная: приходилось вести по два с лишним десятка дел одновременно, а добраться из одного населенного пункта в другой можно было разве что на перекладных.

Через несколько лет Т. Богданова переехала в Киров, работать стало немного легче – рядом были коллеги, которые могли что-то подсказать, чему-то научить, правда, командировок не убавилось. Кировская область – территория особая, изобилующая исправительными учреждениями. В те годы это была, если угодно, одна большая зона с характерным для этих северных краев бездорожьем. Бывало, чтобы попасть к клиенту в близлежащую ИТК, вспоминает Татьяна Николаевна, ездили через Удмуртию на бензовозах.

В советские времена юристов не хватало, и адвокатов, помимо защиты в уголовных процессах, обязывали обслуживать организации. Уже тогда ее стали привлекать гражданские дела. Они казались ей наиболее интересными, разнообразными, требовавшими обширных, порой специфических, знаний. Как выяснилось, в выборе она не ошиблась. Шли годы, менялось и отношение людей к судам. Многие осознали, что суд – это не только место, где именем государства выносится приговор преступнику, но и возможность цивилизованным путем разрешить тот или иной житейский спор.

– Как только начал действовать новый Жилищный кодекс, ко мне обратилась молодая семья Скочиловых. Их по иску тестя выселяли на улицу вместе с маленьким ребенком, – рассказывает Татьяна Николаевна. – Предыстория такова. Раньше молодые люди жили с отцом мужа в двухкомнатной квартире на первом этаже, ее приобретала фирма, а взамен предоставляла другую. Во время приватизации прежней квартиры сыну посоветовали отказаться от нее. Говорили, мол, ничего страшного, если квартира перейдет в собственность отца. Приватизацию, как и сделку с фирмой, оформили буквально в один день, и не по договору мены, а путем купли-продажи квартиры. По закону, если сделку оформили таким образом, право на приватизацию взрослый сын утратил. Так что в новую квартиру молодые супруги вселились уже нанимателями со всеми вытекающими последствиями. Как только у них родился ребенок, собственник (он же отец, дедушка и тесть) решил лишить их права на проживание в квартире. К сожалению, действующий Жилищный кодекс это позволяет.

Фото Виталия Алтабаева

– Сыну, отказавшемуся от приватизации своей доли собственности, надо было сразу же заключить письменное соглашение о сохранении за ним бессрочного права пользования жилым помещением в приватизированной квартире, – пояснила Т. Богданова. – Сделай он это, можно было бы в судеб-

ном порядке оспорить отказ от участия в приватизации. Но все мы, как говорится, сильны задним умом – молодой человек и подумать не мог, что отец лишит его с семьей крыши над головой.

По словам Татьяны Николаевны, сначала судья не знал, какое выносить решение: аналогичной судебной практики еще не было. И тогда адвокат Богданова подала встречный иск о признании приватизации недействительной. Было достаточно обстоятельств, которые, как ей казалось, суд мог бы учесть. Хотя бы то, что на момент приватизации жена находилась в роддоме, а ребенка не успели прописать. Против выселения выступили и органы опеки. Первым своим решением суд дал отсрочку от выселения на год. Все это время Татьяна Николаевна писала кассации, надзорные жалобы, казалось, была надежда. Поскольку в прежней квартире уже оборудовали магазин, она предлагала, не приводя стороны в первоначальное положение, признать за сыном утраченное право на половину собственности в новой квартире, полагая, что это было бы справедливо и законно. Через год суд вынес новое решение: выселить.

Сейчас ждут новых изменений в жилищном законодательстве, хотя они коснутся еще не исполненных судебных решений. Семье Скочиловых не повезло: они попали в правовой переплет, убеждена адвокат, у ребенка было бесспорное право быть прописанным в квартире отца, но он его утратил…

Специализируясь на жилищных, семейных, наследственных делах, Татьяна Николаевна считает их чрезвычайно важными, поскольку с этими проблемами люди сталкиваются постоянно. А современное законодательство меняется так быстро, что только успевай отслеживать. Но адвокату Т. Богдановой нравится быть в гуще обычных людских хлопот, потому что в этом сегменте юриспруденции она чувствует себя как рыба в воде. Адвокат, занимающийся гражданскими делами, полагает она, должен быть хорошо информированным, особенно в вопросах правоприменительной практики. Не зная всех ее нюансов, он может лишь формально, юридически грамотно написать заявление, но клиенту нужен реальный результат. Поэтому-то и надо свободно ориентироваться в принимаемых судами решениях. Свой вывод она тут же проиллюстрировала примером.

Допустим, человек пропустил шестимесячный срок принятия наследства. В этом случае нужно обратиться в суд с заявлением, но написать его можно по-разному. Например, просить о продлении срока, а можно – об установлении юридического факта. В первом случае придется ссылаться на уважительные причины, а сочтет ли их судья таковыми, это вопрос. Вариант рискованный, не правда ли? Не зная, примет ли судья их с клиентом доводы, – такое заявление Богданова в суд не запустит. Она выберет другой вариант и укажет такие обстоятельства, при которых наследник будто бы уже принял наследство. К тому же некоторые судьи принимают два иска одновременно: об установлении юридического факта и признании права собственности на наследство. В этом случае, как поясняет Татьяна Николаевна, человек, минуя стадию выдачи свидетельства нотариусом, освобождается от лишних расходов и сразу получает в регистрационной палате документ о праве собственности на квартиру или дом. Из таких вот кажущихся «мелочей» и складывается профессионализм адвоката Богдановой, которому не может не сопутствовать успех.

Примечательно, что муж Татьяны Николаевны тоже адвокат. Правда, уже четверть века он занимается только уголовными делами. Иногда по вечерам сидит и слушает, как она людей принимает, потом удивляется: откуда у нее на всех терпения хватает? Как-то даже признался ей, что гражданских дел боится как огня. Все дело в той самой специфике – за помощью к Богдановой приходят люди разные, каждый со своим характером, нередко – амбициями. То старушка обратилась: просит разыскать бывшую, но прописанную в доме сноху, за которую годами приходится вносить ставшие непосильными коммунальные платежи. И Татьяна Николаевна знает, как ей помочь, – нужно в судебном порядке признать бывшую сноху безвестно отсутствующей. Это, между прочим, тоже один из нюансов правоприменительной практики.

Бывает, приходят клиенты и с явно корыстными целями. Чаще всего такая тенденция прослеживается по бракоразводным процессам, связанным с разделом имущества. Нередко один из супругов желает, чтобы другому ничего не досталось, и предлагает адвокату поддержать определенный сценарий. От таких, не слишком порядочных, предложений Татьяна Николаевна категорически отказывается: раз законом положено делить нажитое пополам, так тому и быть. Чаще всего бракоразводные дела она старается вообще не доводить до суда, предлагает разрешить претензии миром. В крайнем случае составит такой иск, который в итоге заставит бывшего супруга принять более лояльный вариант мирового соглашения. Не подействует – пожалуйте в суд. В современных гражданских процессах происходят не менее жесткие схватки, чем в уголовных. Но жаркие поединки Татьяне Николаевне не в тягость, особенно если оппонент соответствует ее профессиональной планке. Высока ли она, судить вам.

Заслуги Т. Богдановой отмечены двумя высшими адвокатскими наградами – сначала орденом «За верность адвокатскому долгу», а в нынешнем году – Золотой медалью имени Ф. Н. Плевако, которую ей торжественно вручили в Колонном зале Дома союзов.

Елена БАСКАКОВА,
спецкор «Российского адвоката»

7 лет к справедливости

В начале 90-х в нашей стране, словно грибы после дождя, росли коммерческие банки. Их динамичное развитие, привлекательные проценты по вкладам – казалось, ничто не предвещало грозы. Но случился банковский кризис, и потерянные гражданами деньги обернулись серьезными политическими потрясениями. Реагируя на массовые жалобы вкладчиков в правоохранительные органы, прокуратура возбуждала уголовные дела, обвиняя руководство банков в хищениях и коррупции… У каждого адвоката есть дела, которые не забываются. Было такое и у меня. Примечательно оно тем, что наш с подзащитной путь к справедливости продолжался семь лет.

Ольга ПОЛЕТИЛО,
президент Адвокатской палаты
Республики Марий Эл

Летом 1996 года открыли уголовное дело против руководства банка «Акпарс», где моя доверительница работала главным бухгалтером. Приняв поручение на ее защиту, сразу поняла: ответственность за все просчеты банковской системы решили переложить на невиновных. Из предъявленного обвинения следовало: организованная группа (президент, вице-президент и главный бухгалтер) из корыстных побуждений, в целях личного обогащения проводила крайне не эффективную и рискованную кредитную политику, чем причинила ущерб вкладчикам более чем на 70 миллионов рублей. Во время следствия я отстаивала только одну позицию: моя подзащитная невиновна. Спустя три года дело прекратили, но вскоре следствие возобновилось.

И вот распухшее до 70 томов дело передали в суд. Согласитесь, сам по себе столь объемный фолиант повергнет в уныние любого судью! Но главное – для его рассмотрения требовались почти энциклопедические знания банковского законодательства. И потому судья, к которому оно попало, вместо вынесения приговора вернул его для дополнительного расследования, надеясь, что следствие его закроет. Вспомним, ранее действовавший УПК РСФСР это допускал. Через год дело вновь поступило в суд, на этот раз к совсем молодому судье. Мы волновались: уда-

стся ли убедить его в нашей правоте, под силу ли ему разобраться в сложнейших финансовых вопросах, да и рискнет ли он вынести оправдательный вердикт по такому громкому процессу?

Уже с самого начала стало ясно – разбирательство будет долгим. Предстояло допросить больше сотни свидетелей, рассмотреть ряд прямо противоположных заключений экспертиз, выслушать мнения экспертов, исследовать массу документов. И вот тут возникла еще одна проблема, связанная с объявлением амнистии. Если бы моя доверительница согласилась на нее, дело прекратили бы, не рассматривая. (Один из подсудимых как раз и выбрал такой путь.) Но прекращение дела по амнистии не относится к реабилитирующим основаниям. Чаще всего это своего рода компромисс, на который вправе согласиться подзащитный, независимо от позиции, которую он раньше занимал. Соглашаться ли клиенту на амнистию – вопрос для адвоката сложный, поскольку никто не может гарантировать впоследствии оправдательного приговора. Моя доверительница на амнистию не согласилась, и судебное разбирательство затянулось еще на полгода. Когда процесс приблизился к финалу, государственный обвинитель настаивал лишить ее свободы на длительный срок. Полтора месяца мы ждали вынесения приговора.

И вот тот час настал. Адвокаты знают, что уже через несколько минут после начала оглашения становится понятно, каким будет вердикт. Затаив дыхание, я слушала почти уверенная: он оправдательный. Оглянулась на доверительницу, хотела подбодрить ее, но она в тот момент смотрела только на судью. Приговор – 249 страниц – читали нестерпимо долго, и, как только прозвучало «оправдать», одному из подсудимых стало плохо, а моя доверительница залилась слезами.

Оправдание, еще и по такому делу, случается не часто, собравшиеся вокруг коллеги поздравляли. Трудность моей защиты состояла еще и в том, что второй подсудимый, разуверившись во всех прежних адвокатах, защищался сам. Так что мне выпало доказывать невиновность обоих. Но впереди был следующий этап и мрачные прогнозы окружающих, мол, в кассационной инстанции приговор «не устоит». Прокурор конечно же предложит его отменить, и дело направят на новое рассмотрение. И вот на заседании коллегии Верховного суда Республики Марий Эл, когда решительно выступил прокурор, а члены коллегии, настроенные проверить буквально всё, задали уйму вопросов оправданным, настал черед для моей речи. В ней ничего лишнего – еще раз обращаю внимание суда на доводы обвинения, но излагаю их с позиции защиты. И вдруг по глазам и лицам судей понимаю: они меня не только услышали, но и поняли. Решение однозначное: приговор оставили без изменения. В тот момент вновь зазвучали слова благодарности, полились чьи-то слезы, но это было где-то далеко, а в голове стучала одна-единственная опьяняющая мысль: «Все получилось!» Долгожданная победа пришла после семи лет надежд, разочарований, поисков справедливости, огромного профессионального труда.

Когда взрыв первой радости утих, заявили о себе иные принципиально важные вопросы: «Кто ответит за многолетние мытарства моей оправданной судом клиентки?», «Сколько стоит "ошибка" следствия, и как ее исправит государство?». Право на реабилитацию доверительнице разъяснили, но в тексте приговора его не прописали. Поэтому для признания такого права пришлось еще раз обратиться в суд. Без ответа остался и вопрос о привлечении к ответственности следователя, хотя он за эти годы получал звания, премии и не удовлетворил ни одного обоснованного, по признанию суда, ходатайства защиты.

Через год моя доверительница обратилась с просьбой помочь взыскать компенсацию морального вреда. Тут выяснилось, что перед ней еще не извинился прокурор, хотя, согласно ст. 136 УПК РФ, он от имени государства приносит официальные извинения реабилитированному за причиненный ему вред. В гражданском процессе мы обратили внимание суда на то, что прокурор принес извинения почему-то только после предъявления иска. Знаете, что ответил возмущенный представитель прокуратуры? Оказывается, сроки, когда нужно извиняться, в статье не указаны. Трудно представить, получила ли моя доверительница моральное удовлетворение, услышав извинения почти через полтора года после того, как была полностью оправдана.

О том, что размер компенсации морального вреда определяет судья по своему «внутреннему убеждению» написано немало, однако единого критерия так и не выработано. О позиции казначеев в суде следует сказать особо. Каждый раз они пытаются перенаправить такой иск к прокуратуре и оспаривают любую сумму, которую оправданный требует определить в качестве компенсации морального вреда. Всё это в полной мере испытали и мы с доверительницей, пока добились вступления решения в силу. А чтобы реально получить и ту явно заниженную сумму компенсации, потребовался еще год и вмешательство Генпрокуратуры. Моя подзащитная не находилась в следственном изоляторе, ее не увольняли с работы, но тем не менее она семь лет ждала оправдательного приговора. Из-за затянувшегося судопроизводства у человека рухнула карьера, так как в ИЦ МВД значилась информация о том, что в отношении доверительницы расследуется уголовное дело (ч. 3 ст.160 УК РФ). Вроде и не виновата еще, но может будет. А кто оценит переживания, волнения родных и близких, пока она не смогла сказать им, что оправдана. К сожалению, в решении суда именно те обстоятельства, что она не находилась под стражей, не нарушены ее трудовые и пенсионные права, были расценены как снижающие степень ее нравственных страданий.

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...

Региональной общественной организации ветеранов оперативных служб «Честь» во главе с адвокатом Алексеем Дарковым – 6 лет. Много это или мало, судить людям. И прежде всего тем, кому Алексей Евгеньевич и К° помогли получить квартиру, пробить инвалидность, оформить достойную пенсию... Я уж не говорю о бесплатном юридическом сопровождении бессчетных бытовых, профессиональных конфликтов. И все это нередко в самых глубинных местах северной и срединной России, с «доставкой на дом». Недаром же коллеги по-хорошему завидуют ребятам, а в народе называют «Честь» «юридической помощью на колесах».

Орден А. Ф. Кошко – лучшему сыщику

Так вот коротко и ясно представила своего коллегу заведующая филиалом «Оптимум» коллегии «Мосюрцентр» Татьяна Стукалова. А потом мы вместе рассматривали карту автопробегов «Чести» по стране. Высшая цель их – возрождение Памяти и представлений о Долге в самом высоком смысле этих слов. Более, как говорят, приземленная (хотя кто определяет, что в конкретный момент нужнее людям) – реальная поддержка семей погибших при исполнении служебного долга, детей-сирот. С искренними охами и ахами разглядывали многочисленные фотоснимки, путевые записи Даркова...

Сразу и не углядишь, в какую сторону правит неспешный бег свой на курских землях река Тускарь, в народе называемая Иорданом. Алексей сидел на самом краешке берега и отрешенно созерцал почти незаметно проплывающие мимо опавшие листья да встречные им поклоны придонной осоки. Не просто так, конечно, «по-божественному» именуют неприметные с виду речушки... Посидишь у водного уреза, и вдруг поймешь: в таком вот неповторимо-неизменном течении перед тобой проходит сама Вечность.

В далеком-далеком 1295 году неизвестный рыльский охотник обнаружил на берегу ничем до того не примечательного Тускаря икону Божьей Матери. А когда на этом месте забил источник, его назвали святым, построили здесь часовню. Че-

Расскажи-ка мне, дружок...

рез 300 с лишним лет по царскому велению сына Ивана Грозного Федора воздвигли одну из древнейших на Руси обителей. Так вот и повелось меж курян, да и не только среди них, почитать этот берег Тускаря Богом данным местом...

Знакомство с достопримечательностями – лишь непременная составляющая обширного плана автопробегов «Чести». Мне же такая обязательность показалась своего рода собиранием исторической народной памяти: ничто ведь так не приближает к былому, как легенды, сказания, фольклор, песни. И ничто так не роднит поколения, как светлые воспоминания о тех, кого нет с нами, но без кого не было бы и нашего настоящего. По большому счету, со знания и памяти, позволяющих проникнуть в глубины прошлого, и начинается истинная любовь к Отечеству.

Дарков с коллегами лишний раз убедились в этом во время прошлогоднего автопробега из Москвы через Ярославль, Вологду на Архангельск. Подивились уникальным, невиданным до того красотам русского Севера, побывали в самых памятных местах его, в школах, названных именами героев. Вместе с ребятами из милицейского кадетского корпуса поклонились могилам на ухоженном воинском кладбище, посмотрели Книгу Памяти, навестили 55 семей, где матери остались без сыновей, дети без отцов.

В Соловках вместе с ними поражался тамошним соборам и скитам, неведомым ему «самым северным русским» ветеран вьетнамской войны Том Сэвидж. Двадцать лет отдал он службе в американских ВВС, потом столько же в полиции. Повидал немало, но в наших домах ребенка, инвалидов, перед обелисками погибших не мог сдерживать слез... Когда расставались, сказал, что народ с такой верой нельзя победить.

Я не мог не спросить Алексея, почему год назад они выбрали такой сложный в моральном, физическом и техническом плане маршрут. Он ответил не задумываясь, как и на все вопросы:

– Да именно из-за сложностей, которые подстерегают на «северах». Раньше ведь как думалось: мы здесь, в столице, всё и обо всех знаем. А как там, в глубинке, хранят память о людях долга и чести, помогают семьям погибших? Еще хотелось своими глазами увидеть Переславль-Залесский, Томскую обитель, где до сих пор растут кедры, посаженные, как говорят, еще Иваном Грозным. Если коротко – отдать дань памяти, изучению исторического наследия России. А заодно и проверить себя, на что мы способны.

Помогаем, чем можем

Сделанное ими действительно можно оценивать поразному. Если в рублях-долларах, это, понятно, несопоставимо с затратами на подарки друг другу современных олигархов и их приспешников. Ну в какое сравнение с роскошнейшими ролс-ройсами, яхтами идут детские коляски, обувь для ребятишек из детдома, компьютеры в интернат для детей-инвалидов, не-

Мы помним о вас...

С верой в сердце

большие разовые пособия семьям, потерявшим кормильцев, поминальные молебны по погибшим, вручение учрежденного «Честью» ордена известнейшего российского сыщика А. Ф. Кошко лучшему сотруднику местного уголовного розыска?

Это ведь все больше по линии нравственной, о которой неизвестно из чего возникшие разномастные нувориши и представления не имеют. В отличие от тех, кто во все смутные времена умел оставаться человеком-гражданином, не забывал, от кого все мы «есть пошли». Им просто богом не дано пережить то, что ощущает внутри себя человек, сидя на берегу речки детства, превратившейся за время его взросления едва ли не в ручеек. Не понять, отчего это вдруг вчерашние сотрудники угро, забыв о своих нуждах и болячках, задумались о том, как помочь семьям бывших коллег, чьи кормильцы отдали жизни во имя Отечества.

Наверное, это очень важно всем нам – помнить, не забывать. И хоть капелькой внимания оделять тех, кто в нем нуждается, помогать людям жить и верить в лучшее будущее. На очередном маршруте Москва – Тула – Орел – Курск – Белгород Дарков и его друзья ощутили это особенно остро. А я пожалел, что не был с ними, не увидел того самого русского Тускаря, веками несущего свои воды в Сейм, дальше в украинско-молдавский Днестр, чтобы потом слиться с мощью единого для русских и украинцев Черного моря. Зато вспомнил, что туда же, кстати, стремится и мой родной крошечный Деркул с помощью Северского Донца, Дона, а потом и моря Азовского. Припомнилось далекое теперь Забайкалье, где живут и молятся своим богам представители всех религий планеты. Там каждый отправляющийся в дальний путь почему-то почитает долгом постоять у придорожного памятника бурятскому богу Бурхану, повязать на ветку ленточку, бросить монеты на счастье и удачу в делах и помыслах.

И подумалось: как же много в нас общего, надо только уметь это единящее найти и самим себе показать. Да так, чтобы грусть-тоска по забытому и не так сделанному вскольхнула, заставила сердце биться чаще, тревожнее. Спасибо Даркову и его соратникам, что они это делают. Бескорыстно, с верой в себя и других.

P.S. **«Честь» благодарит всех, кто помогал ее активистам в организации и проведении автопробегов. Особая благодарность В. Анисимову, В. Соловьеву, Р. Букоранову, С. Точилину, С. Арсеньеву, Н. Аулову, А. Кирушеву, В. Кожухову, А. Кутилину, А. Новикову. Редакция присоединяется к сказанному.**

Валерий РЯЗАНЦЕВ,
спецкор «Российского адвоката»
Фото из архива Алексея Даркова

УДАР В СЕРДЦЕ

Сора, а потом и драка вспыхнули, как это нередко бывает у горячих горских парней, внезапно, трудно даже было понять из-за чего. То ли Эльмар Шахламазов сказал что-то обидное Марату Билалову, то ли наоборот, но слова быстро закончились, и студенты сцепились, словно два бойцовых пса. Оказавшийся неподалеку их однокурсник Сулейман Сулейманов разнял дерущихся. И услышал от Эльмара, что он еще пожалеет об этом.

Заира ШЕРИПОВА,
член Адвокатской палаты Республики Дагестан

Сулейман не придал угрозе значения. Оказалось, зря. На следующий день во дворе пединститута Шахламазов встретил его в сопровождении нескольких десятков сверстников. Они окружили Сулейманова, посыпались оскорбления в его адрес, пинки ногами. Шахламазов сильно ударил Сулеймана. Тот попытался вырваться из толпы, убежать. Но его догнали, продолжали бить. И тогда Сулейманов вытащил нож...

Так выглядело дикое происшествие в Дагестанском педагогическом институте со слов моего подзащитного Сулеймана Сулейманова. Дальше процитирую обвинительное заключение: «...произошла драка, в нее влез Шахбанов Р., который начал разбираться с Сулеймановым С. и нанес ему удар кулаком по лицу. В ходе завязавшейся драки Сулейманов С. достал имевшийся у него нож и начал размахивать им. В это время Шахбанов Р. подошел к нему, и Сулейманов С. на почве неприязненных отношений, возникших из-за драки, нанес удар в левую область груди Шахбанова Р. с повреждением сердца, от чего последний скончался».

В том, что Сулейман достал нож и размахивал им в толпе, сомнений у меня не было. Вопрос, как квалифицировать эти его действия. Можно усмотреть в них намерение посчитаться с человеком «на почве неприязненных отношений», а можно увидеть и элементарное стремление защитить свою жизнь. На это, кстати, работало и то, что Сулейманов добровольно явился в прокуратуру Ленинского района Махачкалы и дал показания по всем обстоятельствам произошедшего. Нечасто преступники так поступают, согласитесь.

О том же говорили и опрошенные мною свидетели драки, те, кто знал о ее предыстории, но почему-то оказался вне поля зрения следствия. Вообще много подводных камней обнаружилось в процессе опросов, проведенных в соответствии с законом об адвокатуре. И невольно возникает мысль: почему бы законодательно не расширить полномочия защиты в предварительном следствии? Хотя бы до границ, за которыми сегодня полнейший произвол следователей: разрешить-не разрешить свидание с подзащитным, опрос понятых, проведение экспертиз...

Между тем назначенная по моему ходатайству, а не сразу по свежим следам следствием судебно-медицинская экспертиза установила наличие у Сулейманова побоев, порезов на руках. Потом выяснилось, что ранее и Шахламазов, и Шахбанов за нарушение дисциплины были исключены из института. Первого восстановили, студенческая судьба второго на тот момент решалась.

Словом, у меня появились основания ходатайствовать о переквалификации действий Сулеймана Сулейманова с ч.1 ст. 105 на ч. 1 ст. 109 УК РФ. Прокуратура в удовлетворении ходатайства отказала, дело было направлено в Ленинский районный суд Махачкалы для рассмотрения по существу.

Не знаю, насколько неожиданным для обвинения в судебном слушании оказалось мое ходатайство о допросе ряда свидетелей, по каким-то причинам не оказавшихся в списке обвинительного заключения. Но то, что это повлияло на ход и исход прений, несомненно. Гособвинитель просил назначить наказание по ст. 105 УК в виде лишения свободы на 9 лет в колонии строгого режима. А суд, с учетом показаний свидетелей защиты и других представленных нами доказательств по делу, пришел к выводу об отсутствии у Сулейманова умысла на лишение жизни Шахбанова. Действия Сулейманова были переквалифицированы на ч. 1 ст. 109 УК РФ, ему было назначено наказание в виде лишения свободы на один год и шесть месяцев в колонии-поселении. Кассационное представление гособвинителем принесено не было, поэтому дело в этой инстанции не рассматривалось.

НЕ ПОЖАРНЫЕ – ПАРТНЕРЫ

Многие наши граждане, в том числе и представители бизнеса, воспринимают адвокатуру как своего рода «пожарных от права». Пока этот самый «пожар» еще только занимается, они, наблюдая за процессом, пытаются погасить его самостоятельно, хотя изначально понятно, что своих сил недостаточно. И только дав «огню» всерьез разгореться, обращаются за помощью к адвокату. Хорошо, если это случится на стадии подготовки судебного процесса, но чаще все происходит уже тогда, когда адвокат становится последней надеждой. О таких ситуациях рассказывает член АП Москвы Светлана Кирюшина.

Если бы можно было привести статистику от неоправданных потерь... Тогда, наверное, у бизнеса не возникало бы вопроса: кому доверить правовое сопровождение собственных рисков: юридическому отделу родной компании или адвокату? Ведь те или иные правовые подразделения, работающие в штате, в первую очередь нацелены на выполнение повседневных задач. А если возникли серьезные проблемы, не лишним будет и свежий взгляд профессионала, условно говоря, со стороны. Чаще всего именно адвокат, имеющий солидный практический опыт участия в судебных и арбитражных процессах, быстрее и, главное, эффективнее разрешит их...

В марте 2005 года одна организация, назовем ее просто ООО, заключила с подрядной компанией «Мосэнерго» договор об оказании услуг по присоединению к электрической сети. Вскоре в «Мосэнерго» произошла реорганизация: из нее выделилось 13 фирм по различным направлениям деятельности, а ее правопреемником стало ОАО «Московская областная электросетевая компания».

Новое руководство почему-то не устроили предыдущие договоренности, и оно решило найти более выгодного партнера. Поводом для расторжения отношений с ООО послужили незначительные отклонения последнего от условий сотрудничества. В суде же их представили как весьма «существенные нарушения договора». По Гражданскому кодексу РФ (п. 2 ст. 450), расторжение договора могло обернуться для ООО серьезными финансовыми потерями.

И тогда представители ООО предложили адвокатам, в том числе и мне, встать на защиту интересов их компании. Нам с коллегами пришлось начинать с нуля – требовалось изучить не только массу нормативных документов и инструкций, но и структуру сложнейших взаимоотношений в такой достаточно новой и сложной, в том числе и для нас, экономической области, как энергоснабжение и энергосбережение. Хотя все, конечно, в общих чертах понимали, насколько сегодня востребованы услуги энергообеспечения. И вот на этом масштабном, финансово привлекательном хозяйственном плацдарме переплетаются интересы многочисленных, конкурирующих между собой фирм и фирмочек.

Сталкиваясь друг с другом, особенно при заключении или продлении договоров, далеко не все играют по правилам. В этом, собственно, и прослеживается элемент нездоровой конкуренции, нередко приводящей к открытому рейдерству. Нечто подобное просматривалось и в действиях наших оппонентов – Московской областной электросетевой компании. Они не признавали ни текста договора, ни суммы предварительной оплаты, ни факта выполненных работ.

Вот почему все эти чисто технические вопросы предстояло тщательно проанализировать до рассмотрения спора в арбитражном суде. Кто-то из наших коллег назвал ту нашу подготовку к судебному заседанию по-военному – «глубинной правовой разведкой». Когда ситуация в общих чертах прояснилась, мы вновь обратились к тексту договора. И вот тут-то стало ясно: мои доверители несколько переоценили свой действительно немалый опыт и, увы, уже вчерашнюю практику хозяйствования, ибо формировалась она еще в условиях жесточайшего государственного контроля. Сегодня ситуация совершенно иная: давно нет ни

госплановского монстра, ни когда-то практиковавшихся взаимозачетов, ни отчетности перед государством и, что самое неприятное, нет взаимной ответственности между партнерами. И те, и другие стали полноправными хозяевами. Осознав свою весомость в обществе, пусть и формальную, некоторые компании перестали обращать внимание на такое сопутствующее классическому предпринимательскому авторитету понятие, как «партнерские обязательства», не говоря уже об элементарной порядочности по отношению к коллегам по бизнесу.

Фото Романа Захарова

Именно об этой азбуке человечности пришлось напоминать оппонентам в ходе заседаний, сначала в Арбитражном суде Москвы, затем в Девятом арбитражном апелляционном, благо Арбитражно-процессуальным кодексом предусмотрен принцип состязательности сторон. Ведь именно он дает возможность не только собрать необходимые доказательства, но и представить, подтвердить их в ходе слушания дела. Естественно, моральные посылы требовалось подкрепить железными аргументами в пользу доводов того, что мои клиенты исполнили все обязательства, предусмотренные договором. В результате требования оппонента о расторжении договора суд отклонил. А мои клиенты и их профильные партнеры не только не понесли убытков, но и получили возможность развивать отношения в точном соответствии с тем самым, вызвавшим спор, договором.

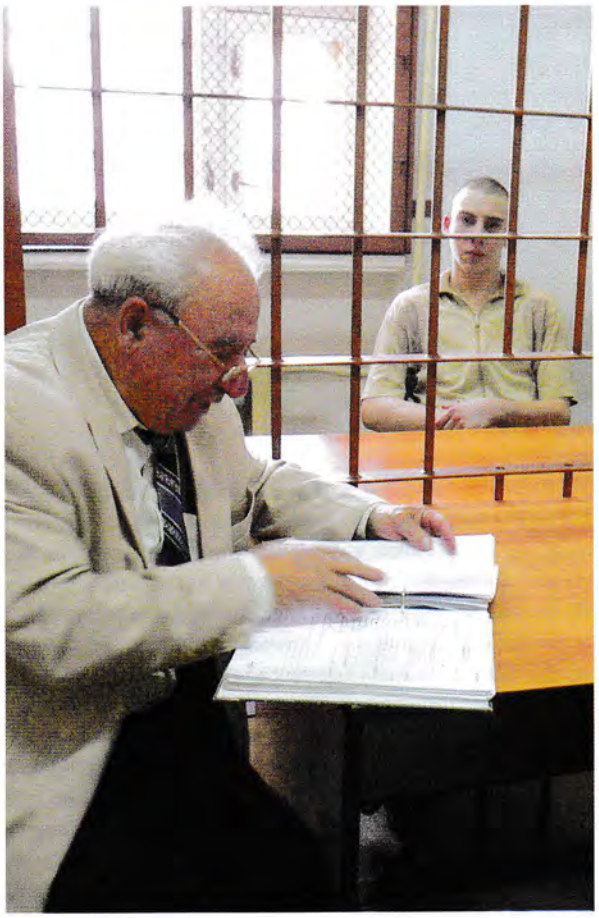
Размышляя над взаимоотношениями бизнеса и адвокатуры, я пришла к такому выводу. Если бы руководителям ООО в свое время доходчиво разъяснили, какими могут быть последствия, в случае если они хоть чуть-чуть отступят от выполнения записанных в договоре обязательств, у правопреемника «Мосэнерго» не появилось бы повода для претензий и он бы не обратился с иском в суд.

Приведу еще один пример, когда вполне можно было бы избежать судебного спора, связанного с земельным правом. Некая компания (ЗАО) заявила о своих правах на земельный участок в 52 га, где планировалось строительство жилого комплекса. Причем она подала в Арбитражный суд Москвы сразу три (!) исковых заявления. Истцом выдвигались требования признать недействительными решения как комиссии по вопросам земельных отношений в Западном административном округе столицы, так и городского правительства о строительстве жилого комплекса. При этом компания полагала, что имеет право собственности на земельный участок, и хотела подтвердить его судебным решением. На этот раз мы с коллегами-адвокатами представляли интересы ответчика – застройщика, или проще, Правительства Москвы. Главный довод со стороны истца исходил из следующего. Раз земельный участок принадлежит ЗАО на праве постоянного (бессрочного) пользования, а его предоставят третьему лицу – застройщику, то нарушат права «собственника» и создадут препятствия для осуществления им предпринимательской деятельности. Но в том-то все и дело, что по закону эта компания никогда не была собственником земли.

Это было чрезвычайно трудоемкое дело, поскольку пришлось участвовать параллельно в трех, по сути и близких, но все-таки отличающихся друг от друга разбирательствах. Плюс ко всему постоянно менялись арбитражные инстанции. Как и в предыдущем деле, нам пришлось основательно проштудировать нормативно-правовую базу, опираясь на Устав и закон г. Москвы от 26.06.1997 г., а также Гражданский кодекс РФ, чтобы сделать соответствующие выводы и своевременно предъявить суду свои «козыри» в пользу застройщика. ЗАО же не сумело подтвердить свои права на спорный земельный участок, которые, на первый взгляд, были нарушены оспариваемыми пунктами постановления Правительства Москвы. И теперь, бывая в том районе, я не без гордости любуюсь готовым к заселению, симпатичным жилым комплексом. Он сразу дал будущим новоселам жилые дома вместе со всей социально-бытовой инфраструктурой.

Служить Фемиде

Как-то один из знакомых спросил адвоката Нурбия Куваева о его хобби. Тот, недолго думая, ответил: «Мое хобби – работа». Нурбий Умарович – неисправимый трудоголик. Бывает, сутками не выходит из своего кабинета: работы у председателя президиума Ханты-Мансийской коллегии адвокатов «Защитник» хоть отбавляй. Очень часто к нему обращаются клиенты, прошедшие все возможные инстанции и потерявшие всякую надежду на торжество справедливости. И как бы адвокат ни был загружен, отказывать людям не в его правилах. Так было заведено в их большой и дружной семье (у Нурбия Умаровича два брата и четыре сестры). Этому же учил он своих шестерых детей и теперь наставляет восьмерых внуков и двух правнуков. Любопытная деталь – почти все внуки, как и дедушка, выбрали юридическую профессию. Достойная преемственность…



Сам же Куваев-старший начинал профессиональный путь со службы в органах внутренних дел Краснодарского края (откуда, кстати, он родом). Параллельно учился в Московской высшей школе МВД СССР, а после ее окончания работал начальником следственного отдела в Майкопе.

Когда в крае начиналось строительство Краснодарского водохранилища, вырос строительный городок в 130 тысяч жителей. Отдел внутренних дел в нем возглавил Нурбий Куваев, дорос до начальника следственного управления. Потом решил пе-

рейти на работу в областной суд, уже готовил документы для перевода, но неугомонная душа откликнулась на приглашение поехать в Тюмень. Там по рекомендации знакомых оказался в адвокатуре. Когда был сотрудником правоохранительных органов, нередко взаимодействовал с защитниками, потому о специфике адвокатской деятельности он знал не понаслышке. В конце концов осел в Ханты-Мансийске. Кочуя из одного населенного пункта в другой, туда, где не хватало квалифицированных юристов, много времени уделял правовому образованию населения. И вот уже более двух десятков лет он верно служит Фемиде. Его труд был отмечен неоднократно. Помимо присвоения в 2007 году звания «Заслуженный юрист Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», Нурбий Умарович Куваев награжден медалями, в том числе «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени, орденом Федеральной палаты адвокатов РФ «За верность адвокатскому долгу» и другими.

Рабочий день Куваева расписан по минутам: судебные заседания, встречи, консультации. Телефон почти не умолкает. Когда выдается свободное время, Нурбий Умарович выезжает с друзьями порыбачить на Иртыш, посидеть у костра, сварить уху и послушать рыбацкие истории.

На снимках:

Судья Аниса Литвинова зачитывает приговор

С подзащитным в СИЗО

Награда нашла героя. Вручает помощник губернатора Николай Усольцев

С ветерком

На берегу Иртыша

Иван АНИСИМОВ,
адвокат, кандидат юридических наук

КОМПРОМИСС ВМЕСТО ОПРАВДАНИЯ

В правоохранительных органах всякий знает, что такое «галочка» как показатель раскрываемости преступлений. Забота оперативников: побольше бы «галок» и поменьше нераскрытых преступлений. Вроде бы все нормально, но когда цифры завладевают и становятся единственной целью, мы все чаще сталкиваемся со злоупотреблениями.

Нвер ГАСПАРЯН,
адвокат, член квалификационной комиссии Адвокатской палаты Ставропольского края

Так в органах внутренних дел и наркоконтроля существует порочная практика вменения обвиняемому нескольких эпизодов сбыта наркотических средств с отдельным оформлением контрольных закупок, хотя фактически задокументирован был только один факт сбыта. Таким образом искусственно увеличивается количество раскрытых тяжких преступлений. Известны случаи, когда одно преступление – кража чужого имущества с проникновением в жилище – дробилось на несколько аналогичных самостоятельных краж, в соответствии с количеством проникновений. Руководители оперативных подразделений хорошо знают способы и приемы увеличения раскрываемости и успешно пользуются ими в повседневной деятельности. В частности, ради улучшения показателей их сотрудники заставляют невиновных писать явки с повинной либо признавать вину… К сожалению, мы не располагаем данными о том, сколько человеческих судеб загубила эта самая статистика раскрываемости…

По-прежнему оправдательный приговор воспринимается в суде и прокуратуре как чрезвычайная ситуация, как фактор, нарушающий баланс всей системы. Мы, адвокаты, не раз были свидетелями того, как эта система прибегала к самым изощренным способам самосохранения, чтобы не допустить оправдательного приговора. Это и предложения стороне защиты вынести самый мягкий приговор вплоть до минимального штрафа, прекратить уголовное дело за примирением сторон либо деятельным раскаянием обвиняемого, это и откровенный шантаж.

Так одним из судов Ставропольского края рассматривалось уголовное дело в отношении Т. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 286 ч. 3 УК РФ (превышение должностных полномочий с применением насилия). Когда в суде стала очевидной необходимость оправдания Т. за отсутствием в его действиях состава преступления, суд и прокурор начали давить на подсудимого, угрожая лишением свободы, если тот не согласится, чтобы его действия были переквалифицированы по ч. 1 ст. 286 УК РФ в связи с прекращением уголовного дела за примирением сторон. Т. вынужден был согласиться.

В другом суде слушалось уголовное дело в отношении Ж. (ст. 238 ч. 1 УК РФ). Когда в ходе судебного разбирательства выяснилось, что подсудимый невиновен, судья и прокурор предложили ему тем не менее признать вину, обещая за это

прекратить дело в связи с его искренним и деятельным раскаянием. В противном же случае не обойдется без последствий. И Ж. согласился.

Этим же судом рассматривалось уголовное дело в отношении М. за разбой, совершенный группой лиц. Когда судья и прокурор поняли, что данного преступления М. не совершал, то настойчиво рекомендовали ему признать вину в открытом хищении чужого имущества, обещая действия М. переквалифицировать на ст. 161 ч. 2 (грабеж) УК РФ и освободить из-под стражи. М. вынужден был согласиться с этим предложением. Таких примеров более чем достаточно.

По имеющейся информации, существует якобы договоренность между Ставропольским краевым судом и краевой прокуратурой об уменьшении количества оправдательных приговоров. Президиум Ставропольского краевого суда отменил в порядке надзора несколько оправдательных приговоров, вернув дела на новое судебное разбирательство, чтобы судьи в свою очередь направили дела прокурорам для устранения вроде бы недостатков обвинительного заключения, а на самом деле, чтобы те прекратили их по той или иной причине.

Адвокатам сложно обвинять в этом конкретных представителей суда и прокуратуры, поскольку они самой системой поставлены в такие условия, что иначе поступить не могут, так как навредят себе: их или накажут, или отменят вынесенный ими приговор.

Один из руководителей Главного следственного управления Генеральной прокуратуры А. Коротков в ходе мониторинга по применению УПК РФ сообщил, что в 2001 году (еще действовал УПК РСФСР), когда следователи самостоятельно открывали уголовные дела, на стадии предварительного расследования было прекращено 350 тысяч дел. А в 2005 году, когда прокуроры стали давать согласие на возбуждение уголовных дел, было прекращено примерно 90 тысяч. По мнению представителя Генпрокуратуры, это произошло благодаря тому, что качественно улучшился прокурорский надзор, чему способствовала процессуальная норма, закрепленная ст. 146 ч. 4 УПК РФ, согласно которой прокурор и дает «добро» на возбуждение дела. Между тем эта норма, на мой взгляд, является одной из самых вредных и опасных в УПК РФ. К чему она привела?

Прокурор, подписав постановление о возбуждении уголовного дела, высказал свое мнение относительно наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Теоретически прокурор вправе такое дело в дальнейшем прекратить, если в ходе предварительного следствия появятся соответствующие основания, предусмотренные ст.ст. 24–28 УПК РФ. Но в действительности он этого делать не будет, так как вышестоящий прокурор обязательно спросит с него за возбуждение уголовного дела без достаточных оснований и, скорее всего, накажет. Боясь ответственности, прокурор старается любое дело направить в суд, даже тогда, когда виновность обвиняемого представляется сомнительной. То, что количество прекращенных дел уменьшилось почти в четыре раза, подтверждает это.

Совершенно очевидно, что прокурор не должен давать согласие на возбуждение уголовного дела, чтобы потом иметь достаточную степень свободы в принятии решения о его прекращении. Если же законодатель желает контролировать следователя на данном этапе, то таким контролером может выступить начальник следственного подразделения либо его заместитель или помощник прокурора, но ни в коем случае не сам прокурор. Пока действует ст. 146 ч. 4 УПК РФ, следователи и прокуроры будут заявлять адвокатам: «Может, вы и правы, но прекращать дело мне не положено, отстаивайте вашу позицию в суде». А в суде, когда назревает необходимость оправдания, они говорят: «Может, вы и правы, но оправдывать нам не положено». Вот уж эта статистика, связавшая власть по рукам и ногам!

Когда перед судебно-прокурорской властью встает дилемма между законом и целесообразностью, она чаще отдает предпочтение последней. К счастью, в судебной и прокурорской среде находятся смелые и решительные юристы, готовые объявить бой системе.

Рис. Софьи Бестужевой

Окуджаве нужен защитник

Десять лет назад в Париже умер наш замечательный поэт и друг журнала «Российский адвокат» Булат Шалвович Окуджава. Многие читатели помнят, что в 1996 году, незадолго до ухода из жизни, Булат Окуджава приходил в редакцию, и мы опубликовали интервью с ним. Несколько лет Булат Окуджава был членом Комиссии по помилованию при Президенте России.

Не всякий решится взвалить на свои плечи такой груз – ответственность за жизни других, малознакомых, запутавшихся или вовсе не справедливо наказанных людей. Нашей редакции стала известна история молодого человека, которого незаконно осудили к 12 годам заключения. И журналистский долг привел нас к Окуджаве. Мы тогда рассказали Булату Шалвовичу про заключенного Владимирской ИТК Константина Чередника. Он вступился за обиженного, пытался разнять дерущихся, но получил удар по голове и потерял сознание… В той драке убили человека, а вину «повесили» на Чередника. Окуджава тогда вмешался в дело, разобрался, и парня, который отсидел уже семь лет в зоне, освободили по указу Президента России.

…Свежим субботним июльским днем компания поэтов сидела за длинным столом во дворе перед Домом-музеем Булата Окуджавы в Переделкине. Это место воспринимается многими людьми как вторая, после Арбата, родина Окуджавы. Огромный тент, скамьи, небольшая сцена. Только что закончились выступления. Поэтов пригласила в гости жена Булата Шалвовича – Ольга Окуджава. Приехали лауреат премии «Антибукер» Максим Амелин, первый в России исследователь творчества Иосифа Бродского Виктор Куллэ, заокеанский поэт замечательный Саша Стесин. Рядом блистательная Лиля Панн, удивительная Лариса Миллер, легендарный Ефим Бершин, работники музея. Накрапывал дождь. Ольга Владимировна по-детски восхищалась любыми знаками природы окружавшего нас соснового леса. Но всё время переходила в свою суровую ипостась – директора музея.

– Мы еле выживаем. И наверное, вскоре музей закроется.

Не верю своим ушам. А как это? Кто-нибудь знает, где еще есть в России музей человека, который взрастил наши души, который своим тихим голосом заставлял нас плакать и радоваться, чьи песни мы до сих пор поем у костров и в дружеском застолье?! Где те «увековечивания» памяти Окуджавы, которые были громко заявлены в указе президента, изданном сразу после кончины поэта? Кто знает, где та улица, где та школа, которые носят его имя?

Что же случилось? Подсаживаюсь к Ольге Владимировне, уточняю, почему такая безысходность во всем ее облике?

– Никто не понимает, что происходит с музеем, какова его дальнейшая судьба и что с ним будет завтра. Музей просто подводят к самоубийству, – объяснила она. – Проблема в том, что уже несколько лет не решается вопрос о его подведомственности. Мне кажется, что уже никто не поможет, если не вмешается Президент России. Владимир Владимирович – юрист, и мне говорили, что иногда читает журнал «Российский адвокат». Может, с его страниц дойдет до главы государства наша боль. А Швыдкой каждый раз обещает разобраться, но ничего не делает. Даже губернатору Громову приходят отписки из Агентства по культуре и кинематографии.

– Если уж на Арбате Окуджаве не нашлось места, федеральный статус музея был бы для меня и всех сотрудников хоть какой-то слабой заменой того, что должно быть на самом деле, – продолжила Ольга Владимировна. – Я считаю унизительным для имени Булата Шалвовича то, что без моего согласия, спроса, совета взяли и «переставили» наш музей в Ленинский район Московской области. Меня возмущает отношение и Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ и Федерального агентства по культуре и кинематографии. За девять лет ни один чиновник здесь не был. Они хотя бы приехали и посмотрели, кому и на что деньги из федерального бюджета выделяют. Эти ведомства были против создания музея и палец о палец не ударили, чтобы поставить его на ноги. Мы сами всё поднимали. Но отношение к нам со стороны власти демонстрирует отношение вообще к культуре тех, кто обязан оказывать ей внимание.

Однако вернемся к правовым документам. В 1999 году Министерство культуры по указу президента Путина (тогда еще – Председатель Правительства РФ) своим приказом № 837 учредило Государственный мемориальный музей Б. Ш. Окуджавы, и Департаменту культурного наследия было велено принять от вдовы писателя в дар имущество и часть архива. Тут нужно особо отметить – дар был предназначен для Российской Федерации, а не Московской области. На основании распоряжения Правительства РФ № 1761-р от 21.10.1999 г. с Литфондом был заключен договор передачи в аренду дачевладения, а финансирование затрат, связанных с созданием и деятельностью музея, возложено на федеральный бюджет. Но в 2004 году другим распоряжением Правительства РФ (№ 1636-р) некоторые учреждения культуры из федерального ведения были переда-

ны субъектам РФ. Так Музей Окуджавы оказался в собственности Московской области. Почему-то все забыли, что Ольга Окуджава передавала имущество и архивы (то есть наполнение, содержимое) музея – Российской Федерации. Нам с вами, а не Московской области.

Но есть еще более странный момент. В 2005–2006 годах были изданы приказы Федерального агентства по культуре и кинематографии, в которых музей всё еще значится как учреждение федерального значения, находящееся в ведении Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ. Это приказы о бюджетной отчетности, порядке администрирования поступлений в бюджет и др. Удивительное – рядом. И финансирование музея все эти годы осуществлялось Федеральным агентством по культуре.

– Они меня провоцируют на то, чтобы я закрыла музей, – говорит Ольга Владимировна и добавляет: – все будут довольны, потому что освободившаяся земля отойдет Литфонду или Московской области, если вообще не частному лицу. Во всяком случае, освободится дача, которую за девять лет Министерство культуры РФ и не подумало выкупить у Литфонда для народа.

...Мы сидели, вспоминали любимого поэта, кто-то принес плохонькую гитарку. Поэт Ефим Бершин запел: «Пока Земля еще вертится... возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть по одиночке...». Благодарные слушатели медленно расходились по аллеям Переделкина, за глухими заборами которого возвышаются красные дворцы и диковинные зооскульптуры. Аура этих мест еще сохраняется, но аборигенов становится всё меньше и меньше: кто-то умирает, кого-то вытесняют. Музыка скоро станет совсем не слышна. Ольга Владимировна на прощание сказала мне:

– Попытайтесь. Хотя я уже никому не верю...

Мария ВАТУТИНА,
адвокат, член Союза писателей России

На снимке:
в гостях у Булата Окуджавы
Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский и
Роберт Рождественский

СЕКСОТЫ

Лицо подсудимого Владимира Ч. на протяжении почти всего судебного заседания оставалось бесстрастным. И лишь когда свидетель обвинения Анатолий С. начал в подробностях живописать мотивы и детали его преступления, гримаса искривила губы Владимира:

– Что вы слушаете подонка? Это же стукач ментовский.

Будто поперхнувшись, С. замолчал и больше не произнес ни слова…

Не смею утверждать, что именно та реплика Ч. кардинально повлияла на присяжных заседателей (хотя милицию у нас простые граждане не очень-то жалуют), но они вынесли ему оправдательный вердикт. Впрочем, очень сильное впечатление на всех участников процесса произвели выверенная позиция, веская аргументация защитительной речи адвоката Виктора Людцова. Начал он ее не совсем обычно: «В Германии того, кто сообщил в полицию о любом нарушении права, тем более о готовящемся преступлении, справедливо назовут законопослушным гражданином. В законодательстве США есть статья "за недоносительство". В негласной, явно отрежиссированной слежке С. за моим подзащитным обнаружить и под микроскопом хоть какие-то правовые мотивы, не говорю обоснования, невозможно. Уж не поэтому ли людей, негласно сотрудничающих с правоохранительными органами у нас, с явной издевкой зовут стукачами, сексотами (еще известны кролик, наседка, индюк, духарь, чакма, звонарь, слухач. – *Авт.*). И тем более перестают подавать руку "спецконтингенту" из тех, кто путает информацию с доносом. Это, как известно, карается по ст. 306 УК РФ, но презрение людское бывает посильнее».

Адвокат не избегал эмоциональных красок в правовых оценках связанных с его подзащитным эпизодов тайного сотрудничества С. с милицией. И потому его комментарии обвинительного заключения выглядели особенно убедительно. Но откуда ему стали известны «служебные» детали?

– Ничего из ряда вон здесь нет, – ответил Людцов. – Серьезный адвокат должен иметь информаторов не только в той области, в которой специализируется. «Свои люди» должны быть в милиции, прокуратуре, суде, налоговой, наркоконтроле, ФСБ, службе исполнения наказаний… Даже школьный учитель, участковый, врач могут поделиться интересной деталью. Аргументы прячутся везде, надо лишь быть готовым при случае точно применить их.

– При каком таком случае?

– Ну откуда я могу знать, что ждет меня в том или ином процессе? Зато уверен – информации мало не бывает, ее можно и нужно черпать из разных источников. В свое время Уильям Д. Усс, кажется, подметил, что никакой секретный агент не в состоянии сообщить много такого, что недоступно внимательному аналитику. Уж этот-то всегда знает, что он ищет и откуда искомое несложно почерпнуть, прежде всего из открытых источников. При хорошем раскладе можно ведь и из самого «дохлого» факта «свежатинку» извлечь. Особенно если источник достоверный. Теперь-то стало попроще: Интернет помогает.

– Кому как… У кого-то он источник дохода отнимает.

– Надо с умом распоряжаться своими возможностями. Понимать, что их количество и качество зависят не только от порядочности, профессионализма и ответственности тех, с кем общаешься, но и от твоих собственных человеческих качеств. Между прочим, не всякий за информацию в рамках закона брать станет, как и не всякий платить готов. Все зависит от человека.

Конечно. Одному нравственные устои не позволяют заниматься таким низкопробным делом, как оказание органам оплачиваемой «информационной помощи». Другой побаивается возможной огласки. Третий опасается за жизнь свою и близких. Потому-то и остались невостребованными обещанные от 100 тысяч до 1,5 миллиона долларов за информацию об убийствах банкиров Кивилиди, Лихачева, питерского вице-губернатора Маневича, депутата Старовойтовой.

Говорят, в «цивилизованных» странах таких проблем не существует, ибо тамошний закон утверждает обязанность граждан поставлять сведения о тех или иных правонарушениях, при этом надежно гарантируя их безопасность. Но припомним, как в самом начале иракской кампании американским офицерам официально было разрешено выплачивать за сведения о близких к Саддаму Хусейну людях, о складах химического оружия – от 2,5 до 50 тысяч долларов. Или обещанные в разное время правительством США 5–25 миллионов долларов за информацию об Усаме бен Ладене, его сподвижниках… Желающих получить даже такие немалые деньги, как выяснилось, не так уж и много.

А совершенно конфиденциальная информация тем не менее продолжает то ли утекать из

первоисточников, то ли убегать от носителей ее. Несколько лет назад жители России стали получать, и до сих пор получают, конкретные адресные предложения фирм по приобретению предметов далеко не самых дешевых и отнюдь не первого спроса. Какие сексоты и на каком основании помогают не всегда порядочным бизнесменам своими предложениями влиять на личную жизнь граждан? На сайтах Интернета регулярно обновляются сведения не только о деятельности различных частных фирм, но и впрямую касающиеся непрекосновенной раньше государственной тайны. Те, кто ее «сливает», как правило, люди, недалеко отстоящие от источника или носителя информации, наверняка преследуют при этом какой-то интерес... Как и тот, для кого тайное озвучивается, засвечивается, передается и, конечно, продается. Предложение без спроса ведь мертво, как и наоборот.

В связи с этим вспоминается, как на заре капитализации нашей экономики некоторые работодатели требовали от возможных коллег подробных сообщений о родственниках, знакомых – сотрудниках милиции, прокуратуры, ФСБ, налоговой инспекции. Они готовы были даже оформить таких «нужных» людей на зарплату. И оформляли, не считаясь с расходами. Ну точно как в США, где на платной госслужбе в свое время состояли даже куклускланновцы, по сути вроде бы подрывавшие основы гуманизма и демократии в стране. Тем не менее и сегодня иные серьезные американские политики убеждены, что демократия тем крепче, чем лучше работает ЦРУ. И официальное проникновение прослушки, слежки в быт многими воспринимается как укрепление личной свободы граждан (?!). Наверное, если объяснять это с глобальных позиций борьбы с терроризмом и чисто национальной демократии, и не такое возможно, вплоть до секретных тюрем для подозреваемых. А вот с точки зрения здравого смысла на фоне красиво-громко провозглашаемых теми же людьми прав и свобод личности, извините...

В такой «хитроверти» деклараций и дел непросто разобраться не только простому, далекому от юриспруденции гражданину. Порой заходят в правовой тупик и многомудрые наши адвокаты, поднаторевшие на толкованиях и реальной привязке законоуложений к жизни. Вот понятно, к примеру, что не совсем нормальным положением дел в сфере «преступление-наказание» вызвано появление Совместного приказа о едином учете преступлений от 29 декабря 2005 года № 39/1070/1021/253/780/353/399, подписанного руководителями Генпрокуратуры, МВД, МЧС, Минюста, ФСБ, Минэкономразвития, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, Судебного департамента при Верховном суде РФ. А вслед за ним и президентского указа о сведениях, составляющих государственную тайну. Кстати, их в перечне более 100, в том числе о степени безопасности населения, что не может не волновать адвокатов.

Официальная цель сих серьезных документов прекрасна – обеспечить гражданам реальный доступ к правосудию, гарантированное внимание к любой их информации, связанной с нарушением закона. Но как это будет выглядеть на практике? Неужели теперь то же Минэкономразвития заведет своих сексотов, начнет заниматься фиксированием заявлений граждан по правонарушениям вместо исполнения своих прямых обязанностей? Или вместе с кем-то? Или за кого-то?

Рис. Софьи Бестужевой

В принципе же, если по большому счету, и доступ граждан к правосудию, и самое чуткое внимание к их информации о нарушениях законности давно и довольно успешно обеспечивает адвокатура. А что касается слова «сексот» – то это не более чем производное, точнее, недосокращенное от «секретный сотрудник». Может быть, есть смысл предоставить адвокатам законное право опираться в своей работе на негласные источники информации, а не прятать их под видом то «незаявленных свидетелей», то «вновь обнаружившихся очевидцев»?

Валерий БОРИСОВ,
спецкор «Российского адвоката»

Как Стриженовы честь защищали

При нынешней безграничной свободе слова в средствах массовой информации всё больше случаев, когда ущемляются честь и достоинство публичных людей путем вмешательства в их личную жизнь. Подобной нечистоплотностью отличается

«жёлтая» пресса. Нередко в известных изданиях звезды находят публикации с вымышленными сюжетами из их личной жизни. И тогда без помощи профессионального адвоката не обойтись.

Прошлой весной известная телеведущая Екатерина Стриженова была просто измучена чередой вопросов о ее семейных неурядицах. Как выяснилось, в газете «Жизнь» (2006. 31 марта) вышла статья под кричащим заголовком: «Катя Стриженова подает на развод». Кроме того, в качестве анонса на первой полосе был сделан вынос: «Звездный скандал! Стриженова подает на развод. Телеведущей надоело терпеть измены мужа».

Не желая мириться с откровенной ложью и заручившись поддержкой адвоката Олега Кулагина, супружеская чета обратилась в суд с исковым заявлением к ОАО «Ньюс Медиа» и учрежденному им ООО «Издательскому дому "Жизнь"».

Основанием для судебного спора стала защита чести, достоинства и деловой репутации, поскольку сведения, содержащиеся в материале, не соответствовали действительности.

В статье рассказывалось о том, будто известная телеведущая не в силах простить мужу постоянные походы «налево», многочисленные загулы, беспочвенную ревность решила разорвать семейные отношения. Автор утверждал, что последней каплей, переполнившей чашу терпения супруги, стали такие факты: на одном из светских приемов Александр Стриженов на почве ревности избил охранника, а сам на премьеру фильма «Бандитки» пожаловал с рыженькой подругой Аллой. Публикация стала настоящим ударом для родственников, друзей, коллег и конечно же для самих супругов Стриженовых.

Безусловно, сохранять крепкий семейный дуэт – дело непростое. По словам Александра, вести разгульный образ жизни ему не позволяют морально-этические принципы, заложенные родителями. Их с Екатериной творческий союз на телевидении и в кино, а также хлопоты по воспитанию детей занимают всё свободное время супругов. А совместные сложности удается решать именно благодаря взаимной искренней любви. Поэтому фраза автора статьи Л. Степанова: «И даже сейчас, когда их семья рушится, они продолжают появляться на публике и талантливо играть в любовь и идиллию», – явилась для Стриженовых наиболее оскорбительной, попыткой не иначе как уличить их в фиктивности отношений, лицемерии, лжи.

– В ст. 150 Гражданского кодекса РФ сказано, что жизнь, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, семейная тайна принадлежат гражданину от рождения, – говорит адвокат Олег Александрович Кулагин. – А ст. 152 того же закона регламентирует право требовать по суду опровержения порочащих сведений. Однако ответственность за распространение не соответствующей действительности информации наступает только в том случае, когда доказаны два условия: если распространенные сведения не происходили в реальности, и к тому же носят порочащий характер.

Казалось бы, в нашем случае всё было очевидно, да и обязанность доказывать соответствие сведений фактическим обстоятельствам лежит на ответчике (ст. 56 ГПК РФ). Истец же обязан доказать лишь сам факт их распространения.

Суд посчитал требования обоснованными и удовлетворил их, обязав ОАО «Ньюс Медиа» опубликовать опровержение фактов, изложенных в материале, и выплатить Екатерине и Александру Стриженовым по 500 тысяч рублей.

Яна БОЧАРОВА,
спецкор «Российского адвоката»
На снимке:
Екатерина Стриженова со своим адвокатом Олегом Кулагиным

Фокус ГИБДД

В демократическом государстве право граждан на объединение по интересам неоспоримо. Это может быть общество филателистов, библиофилов, коллекционеров спичечных этикеток или просто приверженцев автомобилей определенной марки. Последние состоят и в Ford Focus Club. Члены клуба активно общаются на интернет-форуме, устраивают различные совместные мероприятия, а недавно задумали поставить рекорд. В день бракосочетания одного из своих представителей (кстати, помощника адвоката) они решили собрать самый длинный свадебный кортеж из автомобилей Ford Focus. Чтобы всё было официально, организаторы заранее отправили заявку в управление ГИБДД с просьбой о сопровождении, на что получили ответ, мол, не детей перевозите. Езжайте спокойно сами. Когда в назначенный день «фокусники» собрались на заранее обозначенной парковке и уже приготовились выезжать колонной на МКАД, подъехали сотрудники ГИБДД и запретили кортежу выдвигаться со стоянки. Почему-то они приравняли мероприятие к несанкционированному митингу. В итоге планы клуба были сорваны, а расстроенные автовладельцы разъехались по домам. Вот как прокомментировал ситуацию адвокат **Михаил Белов**:

– Безусловно, она спорная, – говорит Михаил Борисович, – поскольку выезд автолюбителей на дорогу можно расценивать и как обычный поток транспортных средств, и как организованную колонну. Правилами дорожного движения определено, что организованная транспортная колонна – группа из трех и более механических средств, следующих непосредственно друг за другом по одной и той же полосе движения с постоянно включенными фарами, в сопровождении головного транспортного средства с нанесенными на наружные поверхности специальными цветографическими схемами и включенными проблесковыми маячками синего и красного цветов. Следовательно, в соответствии с положением, касающимся сопровождения транспортных средств автомобилями ГИБДД и военной автоинспекции (утверждено Постановлением Правительства РФ № 20 от 17.01.2007 г.), в подобных случаях необходимо привлекать госинспекцию. Правда, на сопровождение колонны обычных автомобилей этот порядок не распространяется. А значит, когда сотрудники ГИБДД отказали в сопровождении колонны «Фокусов», они поступили в соответствии с требованиями документа. И все же «на всякий случай» подстраховались.

Ведь мы знаем о перегруженности московских дорог. А значит, многочисленная колонна фордов могла бы создать дополнительные заторы. Будем надеяться, что в скором времени подобные спорные ситуации будут четко регламентированы законом, и автолюбители смогут беспрепятственно передвигаться, доказывая свою сплоченность, при этом не мешая другим транспортным средствам.

На снимке:
адвокат Михаил Белов ▲

ВОЗНАГРАЖДЕННАЯ НАСТОЙЧИВОСТЬ

Александр Сергеевич Плевако – внук сразу двух знаменитостей: по линии отца – адвоката Федора Никифоровича Плевако, а по материнской – художника Василия Васильевича Верещагина. Он рассказал интересную историю, связанную с возвращением 21-й картины из знаменитой серии «Война 1812 года» – «Наполеон на р. Березине» – в Государственный исторический музей.

Все началось с небольшой открытки, изданной «Фотографией и фототипией» г-на Фишера в 1912 году, оказавшейся у художника Евгения Васильевича Успенского. Ему удалось установить, что открытки были выпущены на основе каталога большой выставки, проходившей в Историческом музее в 1912 году, но в нем перечислялись лишь 20 полотен этой серии. На обороте же той открытки указывалось, что картина находится в собственности Карла Вебера. Следы этого фабриканта и его коллекции были потеряны еще до Октябрьской революции, но Е. Успенский был уверен: картина существовала.

Не мог же такой серьезный делец, как фотограф Фишер, рисковать своей репутацией, включая в известную серию несуществующую картину. Вместе с тем ни в трудах специалистов, ни в воспоминаниях современников, ни в периодике подтверждения убежденности Е. Успенского не было. Более того, даже сын художника в существование такой картины верить не хотел. Пришлось обратиться к наследию живописца. А когда встретился с писателем В. Суетенко, профессионально занимавшимся творчеством Верещагина, тот вспомнил, что видел репродукцию полотна в недавнем сытинском издании книги. Но куда могло пропасть произведение всемирно известного художника?

Эти вопросы были поставлены в популярном в свое время журнале «Техника молодежи». Наконец, к Успенскому пришел незнакомый юноша со сложенным пополам рулоном – эта была та самая картина, на обороте которой женой В. Верещагина была сделана удостоверяющая подпись. Молодой человек поведал, что, по рассказам отца, работавшего на фабрике Карла Вебера, хозяин купил ее вместе с домом-мастерской у вдовы Верещагина, которая после гибели мужа в русско-японской войне вынуждена была все распродавать, чтобы расплатиться с долгами. Хозяин был доволен, что купил хотя и незаконченную, но картину самого Верещагина, и попросил вдову удостоверить ее подлинность. Как она досталась отцу, юноша не знал. Время было опасное, картину никому не показывали, она лежала в свернутом виде на антресолях.

Состояние этого полотна специалисты определили как «руинное». Понадобились многие годы кропотливейшего труда мастеров-реставраторов, чтобы вернуть картине первоначальный вид.

В этом году отмечается 165-летие со дня рождения художника, к тому же неожиданно возрос интерес к его творчеству. Весной в Половецком дворике Исторического музея состоялась презентация этой картины, которую в нашей стране не только никогда не видели, но и не знали о ней. С большим интересом присутствовавшие ознакомились как с самой картиной, так и с необычной историей ее поисков и находки.

На снимке:
Александр Плевако (слева) и художник Евгений Успенский. На фоне той самой картины

Дорогие коллеги!

Вы еще не приобрели надежного друга по имени «СВИНГ МАШИНА»? Спешите и поверьте, он нужен вам как воздух. Казалось бы, лежишь, отдыхаешь, а 15 минут «общения» с ним равносильны 10 000 шагов или полуторачасовой ходьбе. Здорово!

Главный редактор «Российского адвоката»
Ромен Звягельский

БЕЗ БОЛИ • БЕЗ ЛЕКАРСТВ •

Чудо-тренажер можно приобрести по адресу:

119071, Москва,
ул. Орджоникидзе, 12, офис 414
Тел.: (495) 987-44-20
www.AONST.RU

«Уменье не задать вопрос...»

«Валентин Шеркер – не поэт. Он адвокат. Стихи – это даже не хобби, они просто так – случаются», – предупреждает читателей помета к первой книге, а во втором сборнике снова напоминание: «Валентин Шеркер по-прежнему не считает себя поэтом. Однако написанное читает с удовольствием».

– Валентин Михайлович, поясните, почему вы пишете стихи, издаете книги, но упорно не считаете себя поэтом?

– Наверное, потому, что есть настоящая поэзия. А то, что делаю я, – это любительство, поскольку порой пишу строки, лишенные какого-то глубинного смысла. Я просто излагаю свои мысли, рассуждения, наблюдения. Так было всегда: начиная со школьной скамьи, когда стал писать стихи, и до сегодняшнего дня. Кстати, пик моей творческой активности пришелся на последние 3–4 года. Почему? Сам не знаю. А к моему 70-летнему юбилею коллеги приготовили мне сюрприз – издали книгу моих стихов. Второй сборник вышел тремя годами позже. На подходе и третья книга.

– Ваши стихи написаны в связи с чем-то, для кого-то?

– Есть строки, отражающие просто душевное состояние – радость или грусть. Иногда достаточно услышать какую-то фразу, увидеть сюжет, прочитать заметку, и тут же рождается новое стихотворение. Еще я очень люблю лирические произведения, посвященные женщинам вообще и моей супруге Светлане в частности. Женщины – мои музы, вдохновляющие на стихосложение.

Несколько стихов посвятил моему другу и коллеге Евгению Кривенко. Женя был талантливым бардом, профессиональным адвокатом и просто хорошим человеком. Но, к несчастью, несколько лет назад он умер.

– Адвокатская тема присутствует в вашем творчестве?

– Безусловно, но на эту тему написано не очень много. Вот, например, одно из последних:

Держите паузу, актеры,
Талант в умении молчать.
Вот так и в жизни – разговоры
Слабей, чем на устах печать.

И в адвокатском деле тоже
Уменье не задать вопрос
Куда как больше Вам поможет,
Чем самый яростный допрос.

На мой взгляд, адвокатура и поэзия в чем-то сродни друг другу. Родственность эта в афористичности. Вот, например, если защитник, выступая в суде, говорит штампами (пусть даже грамотно и по делу), это неинтересно. Но стоит ему найти необычный ход для своей защитительной речи, добавить в нее образность, метафоричность – сразу же совсем другой эффект.

Кто-то сказал, что без метафоры нет книги. Так и в поэзии, и в адвокатуре.

– Творчество какого поэта вам наиболее близко?

– Иосифа Бродского. Его стихи поражают меня своей неожиданностью, глубиной. Порой перечитываю его произведения и поражаюсь тому, как точно он находит ту или иную рифму, при этом не теряя смысла.

Надо сказать, что я открыл для себя Бродского очень давно, и любовь к его творчеству пронес через многие годы.

– Кстати, а где вы учились, как стали юристом?

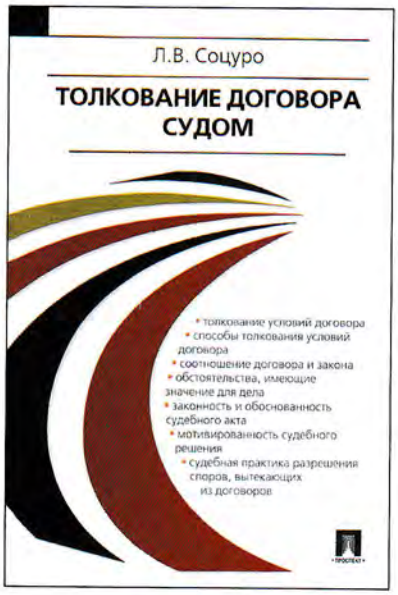
– Это довольно забавная история. Вообще-то мы с приятелем решили поступать на географический факультет Томского университета. Но по дороге вышли на промежуточной станции, в Саратове, вспомнив, что там тоже есть вуз. В тот год на геоморфологическое отделение географического факультета был большой конкурс. Будучи неуверенными в своих знаниях, мы решили податься куда-нибудь еще. А тут как раз, прогуливаясь по городу, увидели объявление о приеме абитуриентов в юридический институт. Мы без особого труда сдали экзамены и были зачислены. Вот тогда я и получил билет в юридический мир. И за несколько десятилетий служения Фемиде ни разу об этом не пожалел. А поэзия? Она только для души. Я – адвокат, а не поэт...

Беседовала Яна БОЧАРОВА

ВСЕ О ДОГОВОРЕ

Развитие гражданско-правовых отношений ставит перед адвокатами проблемы, связанные с толкованием договора. Это крайне важно как для правильного разрешения судебного спора между участвующими в нем сторонами, так и для других заинтересованных лиц. В новой книге доктора юридических наук, профессора Л. Соцуры «Толкование судом договора» дана оценка критериям, способам толкования договора, его соотношение с законом.

Она состоит из трех глав, логически следующих одна за другой. В первой из них исследуются условия договора с научно-практической позиции. Вторая посвящена правильному определению обстоятельств, имеющих значение для дела и позволяющих обеспечивать эффективность процессуальных процедур. А в третьей – отражены подходы, такие как разъяснение при приеме искового заявления и подготовке дела к судебному заседанию.



Особое место в книге занимает детальное рассмотрение вопросов законности, мотивированности судебного решения, определяющих для дела обстоятельств и подтверждающих их фактов. Адвокатам она полезна тем, что в ней приведено немало разнообразных примеров из практики арбитражных и судов общей юрисдикции. Несомненный интерес у читателей вызовет предлагаемый автором новый способ подхода к определению договора и его толкованию.

Поскольку книга посвящена актуальным вопросам судебной практики, которые нередко возникают по договорным спорам, она будет не только хорошим подспорьем для работы практикующим адвокатам, но и полезным пособием для студентов, аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В сентябре-октябре этого года многие адвокаты отметили важные события в своей жизни и деятельности. Юбилеи отпраздновали:

85 лет со дня рождения – **Лемперт Таисия Григорьевна**, **Сульменева Татьяна Васильевна**, ветераны Московской городской коллегии адвокатов; **Мове Абрам Львович**, ветеран Московской областной коллегии адвокатов;

80 лет со дня рождения – **Дарузе Анна Григорьевна**, ветеран Московской городской коллегии адвокатов; **Лащенко Вадим Андрианович**, ветеран Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов;

75 лет со дня рождения – **Жалинский Альфред Эрнестович**, **Исаенко Мария Ерухимовна**, ветераны Московской городской коллегии адвокатов; **Варганова Людмила Александровна**, **Петроченкова Римма Израилевна**, **Трофименко Валентина Алексеевна**, ветераны Московской областной коллегии адвокатов; **Суханова Тамара Васильевна**, ветеран Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов;

70 лет со дня рождения – **Грачева Анжела Аквсентьевна**, член Московской городской коллегии адвокатов; **Кладков Александр Владимирович**, член Московской областной коллегии адвокатов; **Агеев Феликс Ефимович**, член Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов;

60 лет со дня рождения – **Мякишев Анатолий Павлович**, член Московской городской коллегии адвокатов; **Арцукевич Валентина Георгиевна**, **Игнатова Нина Ивановна**, **Израхович Лев Максимович**, **Кирсанова Светлана Филипповна**, **Родионов Владимир Аркадьевич**, члены Московской областной коллегии адвокатов; **Демидов Олег Вячеславович**, **Марданшин Сарват Гадыльшинович**, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва); **Гришкин Владимир Сергеевич**, член Московской межтерриториальной коллегии адвокатов; **Владимиров Владислав Георгиевич**, **Новиков Геннадий Николаевич**, **Петров Юрий Александрович**, **Семеняко Евгений Васильевич**, члены Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов;

50 лет со дня рождения – **Беляк Елена Анатольевна**, **Герасимов Владимир Александрович**, **Кондакова Любовь Васильевна**, **Черкинская Елена Борисовна**, **Шевченко Марина Сергеевна**, члены Московской областной коллегии адвокатов; **Давлетова Роза Зилевна**, **Иванов Павел Иванович**, **Кошель Александр Николаевич**, **Музыкантов Петр Владимирович**, **Тимофеева Светлана Александровна**, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва); **Касенова Марина Болдашевна**, **Папуша Любовь Тимофеевна**, члены Московской межтерриториальной коллегии адвокатов; **Анисимов Сергей Васильевич**, **Волынский Сергей Владимирович**, **Дондуков Виктор Николаевич**, **Иванова Лидия Марковна**, **Кузьмин Сергей Владимирович**, **Ленский Андрей Григорьевич**, **Навольнев Ярослав Олегович**, **Осипов Александр Николаевич**, члены Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов.

О СЕРЬЕЗНОМ ОТНОШЕНИИ К БОЛЕЗНЯМ ЛЕГКИХ

Все говорят: «Кремль, Кремль...»
В. Ерофеев. Москва-Петушки

Меня пригласили вести медицинскую рубрику в журнале «Российский адвокат». В обозримом будущем мы будем обсуждать медицинские вопросы, а если точнее – вопросы здоровья и нездоровья системы органов дыхания – бронхов и легких, то есть органов, имеющих непосредственное отношение к газообмену.

– Но почему не сердце? – спросите вы. – Разве не важнее говорить об «эпидемии» атеросклероза, гипертонии, инфаркта? А ведь есть еще инсульт, сосуды... В чем же дело? Разве не являются эти проблемы первостепенными?

Андрей БЕЛЕВСКИЙ,
профессор,
доктор медицинских наук,
главный пульмонолог г. Москвы

Поэтому я и вынес в эпиграф бессмертные строки Вениамина Ерофеева. Перефразируя их, можно сказать: «Все говорят «сердце, сердце...». И правильно говорят. Неправильно другое: в нашем сознании (кстати, нередко и в сознании профессиональных медиков тоже) проблема органов дыхания занимает куда более скромное место по сравнению с кардиологической. Этому можно найти объяснение. Все знают, что происходит с человеком, если его настигает инфаркт или разбивает паралич от инсульта. А если больны легкие? Парадокс в том, что дыхательная система страдает у очень многих, но к тяжелым последствиям болезнь может привести не сразу, некоторые легочные «болячки» совсем не дают о себе знать, проявляясь только в солидном возрасте, но зато уж как проявляются! Кстати, несмотря на страшное слово «астма» продолжительность жизни астматиков такая же (если не дольше), как у населения в среднем. Может, этим и объясняется у большинства легкомысленное отношение к бронхиту – как к насморку.

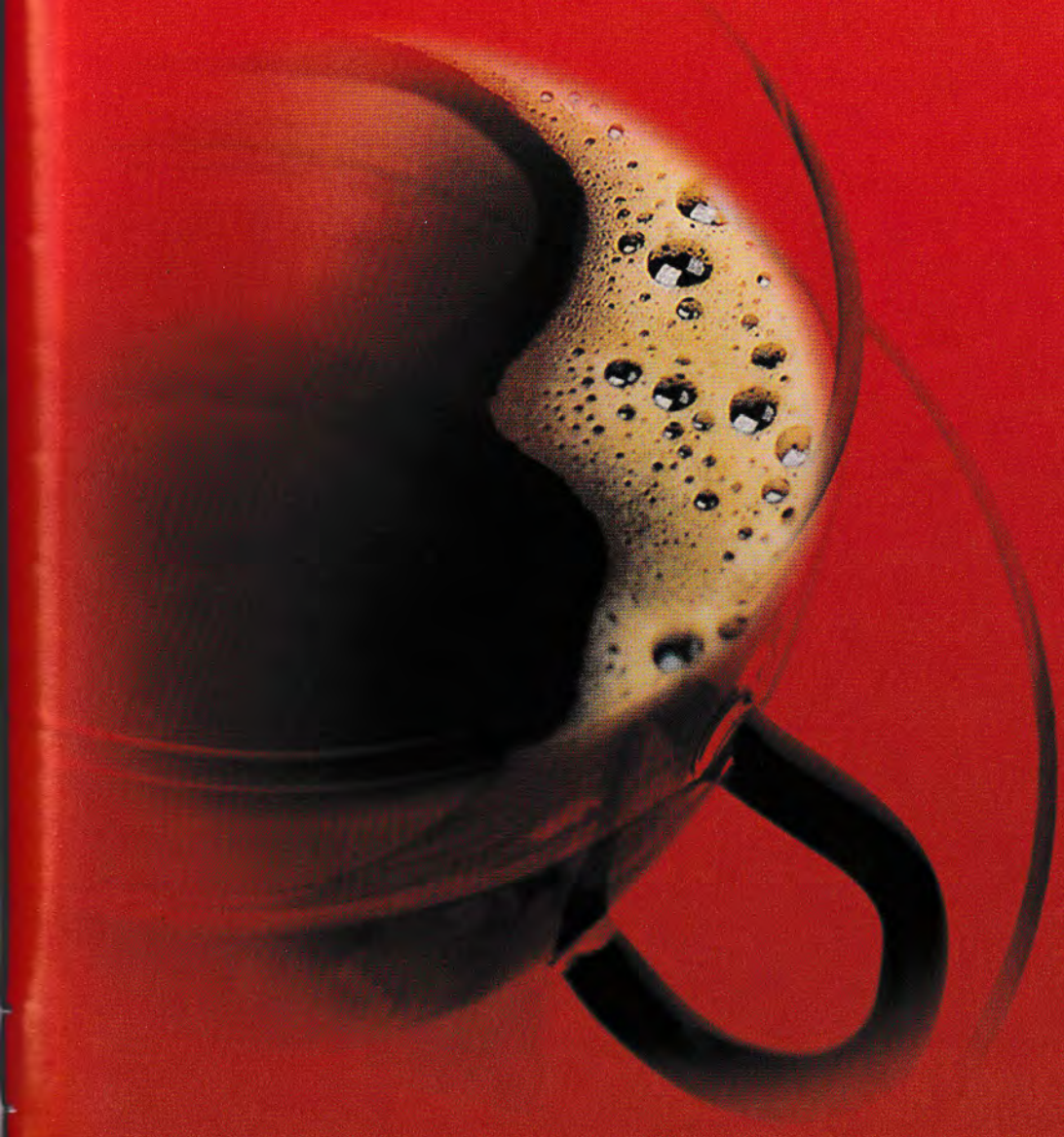
Однако болезни легких и бронхов так же опасны, как и все другие болезни. От пневмонии, неправильно диагностированной и неправильно леченной, можно умереть. Астма и бронхит серьезно могут нарушить качество жизни при несерьезном к ним отношении, у человека может начаться разрушение всех социальных связей – профессиональных, семейных, дружеских... Некоторые заболевания так влияют на самочувствие (например, из-за сильной одышки), что и жить-то не хочется. Но самое главное – состояние сегодняшней медицины таково, что в большинстве случаев легочные болезни можно хорошо лечить и успешно предупреждать. Было бы желание – и в первую очередь желание человека, рискующего заболеть или уже болеющего. Желание рождается из понимания, понимание – из знаний, знания – из доступной информации.

Это-то я и хочу предложить читателям журнала. Надеюсь, они узнают больше об астме, болезни курильщиков с трудным названием «хроническая обструктивная болезнь легких» (кстати, до недавнего времени считалось, что лечить ее нет смысла – не поможет; ан нет – и средства нашлись, и лекарства, и приемы), о том, что легочные симптомы нередко связаны с нашей психикой, что кашель может появляться из-за больного желудка, как заподозрить воспаление легких...

Хорошо понимаю, кто является основным читателем журнала. Голосовая нагрузка, переезды, повышенный риск развития легочной инфекции, иногда весьма неприятной, у многих – злоупотребление курением... И я надеюсь, что для них мои рассказы о лёгких и их болезнях будут полезны. И конечно, на вопросы отвечу с удовольствием.

GRAND®

tea&coffee



Superbrands

Чарующий аромат...®

ISBN 1025-7225 RossijskiJ advokat

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ – 10 лет

Президент академии Е. Семеняко
и ректор Г. Мирзоев среди первокурсников